

SOUL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Барбара Нитше

18+

Барвара Нитше

Soul

*<https://litres.ru/74087339>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Он - демон, веками не знавший ни жалости, ни страха, ни любви.

Донгук охотится на людей в переулках большого города - пустой, равнодушный к чужой боли. Так было до встречи с ангелом.

Её зовут Тэхи. Кроткая, светлая - и почему-то совсем его не боится. Одна встреча - и ледяная броня, что демон носил не одно столетие, начинает трескаться, а внутри просыпается то, чего у него быть не должно.

Но времени почти не осталось. Из глубин ада поднимается Эсме. Когда-то она своими руками выжгла в себе всё живое - а теперь грезит стать королевой трёх миров и погасить в них последний свет, чтобы ничто больше не напоминало ей о том, чего она лишилась. Её войско уже в пути, и остановить её можно лишь одним способом: заклятые враги, свет и тьма, впервые встанут плечом к плечу.

Кровь. Грех. И выбор, который изменит всё.

Тёмное фэнтези о любви, которой не место между ангелом и демоном. 18+

Содержание

ГЛАВА 2	51
ГЛАВА 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Варвара Нитше

Soul

ГЛАВА 1

Часто, после того как очередная несчастная жертва, случайно или преднамеренно оказавшаяся под его горячей рукой, исчезает в темноте ночного города, демон, или кто бы он ни был на самом деле, находит дорогу в один из тех забытых всеми баров на окраине Сеула. Там, среди запаха дешёвого алкоголя и едва слышной меланхоличной музыки, он сидит часами, отчаянно пытаясь выудить из глубин души хоть одну живую эмоцию — искру, вспышку, пульсацию чего-то настоящего. Но каждый раз результат одинаков: пустота. Ничего. Ни радости, ни боли, ни сожаления — лишь холодное нутро без всякой жизни, без единого отблеска бывшего тепла.

ДОНГУК

ДЕМОН

ОН ЛЮБИТ НОЧЬ.
БАРЫ. ОХОТУ.
И ЗАПАХ СТРАХА.

Он вздыхает, глубокий и тягостный вздох, словно пытался вдохнуть жизнь в эти стены, но им ответило лишь эхо его одиночества. Медленным взглядом обводит скромное, почти пустое помещение бара — тусклый свет ламп, разбросанные столики, пару уставших посетителей, которые едва поднимают головы. Всё кажется таким обыденным и лишённым смысла. И в этом мире, полном шумных звуков и пёстрой суеты чужих жизней, он остаётся один — наблюдатель без чувства, без цели, всё ещё в плену собственной пустоты.

Боль. Кровь. Слёзы. Страх в глазах.

Ужасные вещи, которые никому не пожелаешь пережить.

Зло, которое всегда находится рядом, не спит никогда. Оно мыслит, как бы сделать окружающий мир ещё темнее, выстраивает свои ужасные планы. Сложно было противиться этой сущности, силе, внутреннему демону, который сидит и царапает ребра изнутри своими длинными острыми когтями, раздирает плоть, заставляя чувствовать только боль. Жаждет контролировать и вынуждает подчиняться голосу в своей голове, который диктует свои правила, говорит, что делать.

В людском мире в таких случаях часто говорят: «Сам от себя не убежишь». Эта простая, но глубокая истина давно нашла отклик в душе Донгука. Вот уже шесть сотен лет его душа обитает в этом теле, а если быть более точным — шестьсот двадцать один год; всё человеческое в нём давно умерло под натиском той тьмы, что пробудилась внутри. Этот холодный, равнодушный взгляд будто говорит всему миру: «Мне всё равно, поцелуй меня в задницу».

В углу, почти у самой стены, сидит женщина — слишком ярко и вульгарно одетая, словно специально чтобы привлечь взгляды. Её яркий макияж и вызывающая одежда резко контрастируют с тусклым светом и молчаливым одиночеством этого места. Неподаляку, всего в паре столиков от неё, молодой парень с блондинистыми волосами разговаривает с девушкой, сидящей напротив. Весь остальной бар кажется почти полностью заброшенным — вычеркнутым из жизни, как будто здесь забыли появляться люди в это раннее время.

И что же эти двое, да и та женщина, вообще делают тут, в такую рань? Ведь сейчас всего пять утра — время, когда большинство уже либо спит, либо собирается домой после бессонной ночи. Но их здесь — среди тишины, пустоты и слабого света — словно бы случайно или, может, не случайно вовсе оставили, словно разбавить фон.

А он — демон, затерянный в этих пяти утра — снова чувствует голод, живой и неутолимый. Час назад он убил парня — темноволосого, плотного, но его жертва была явно недостаточно сытной. Это лишь передышка, пауза в охоте. В голодном желудке теперь урчит неутолимая жажда, зверь внутри просыпается, пробуждается жадно и настойчиво, выбивая из памяти остатки сна. Он ощущает это — кровь уже вот-вот появится, вот-вот разожжется пожар.

Блондин и девушка собираются уходить — и демон следует за ними. Две новые жертвы. Две новые цели, возможность насытиться, получить удовольствие от охоты и подкрепиться перед следующей болью. Его живот издает тихое бульканье от этих мыслей, и чувство голода разгорается всё сильнее, не давая покоя.

За то время, пока в его теле живёт эта тёмная сущность, Чон научился мастерски скрывать все признаки своей истинной природы. Под тяжелыми куртками он прячет следы от крыльев — тех самых крыльев, которые в любой момент могут распахнуться, словно мрачный занавес, заполняя пространство вокруг злобешей тенью. За магической иллюзии-

ей, которую он искусно создаёт, скрываются чёрные, бездонные глаза. Он научился не только скрывать свою сущность, но и контролировать её проявления. В этом таится его сила — умение оставаться невидимым хищником среди людей, оставляя у них лишь лёгкое ощущение чуждого и пугающего. Вот и сейчас, в очередной раз, он готов показать все свои козыри, словно тщательно отрепетированную сцену. Его цель — заманить жертву в тёмный, затхлый переулок, где нет свидетелей, и можно будет расправиться без помех. Ему невероятно нравится наблюдать за тем, как в глазах его жертв вспыхивает бешеный страх — этот первобытный, прозрачный ужас — отражение их внутренней слабости. Для него этот страх — не просто эмоция, а показатель собственной силы и превосходства. В этом мимолётном взгляде он черпает энергию и наслаждается тем, что может на время стать богом жизни и смерти для этих жалких существ.

Но для начала ему необходимо было создать себе искусный «грим» — имитацию разорванной собакой руки. Это не было для Гука чем-то новым или необычным; он уже не раз прибегал к такой манипуляции, чтобы сыграть нужную роль или вызвать жалость. Медленно, почти безэмоционально, он выпускает свои острые когти, которые блеснули в тусклом свете уличных фонарей, и резко, с холодной точностью, рассекает себе руку чуть ниже плеча. На коже мгновенно появляются три глубокие, кровоточащие раны, из которых струится густая, но безжизненная кровь. Она была лишена запа-

ха и вкуса, словно отражение самого Гука — его сердца и души, давно уставших от чего-либо человеческого. Чтобы образ был более убедительным, ему пришлось порвать не только кожу, но и одежду — куртку и штаны, сделанные из тяжёлой ткани, которые теперь свисали клочьями, добавляя драматизма и реализма его обману.

Девушка и тот блондин медленно приближаются к нужному переулку. Их шаги становятся осторожнее, как будто ощущая запах грядущих событий, а тени вокруг сгущаются, словно сама тьма готовится сыграть свою роль. Донгук незаметно перемещается в сторону, держась в тени и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания — каждый его взгляд скользит по окружающим, анализируя ситуацию и выжидая момента. Сердце, скорее машинально, отбивает ритм предстоящего спектакля. И вот наступила нужная секунда — шоу начинается.

— А-а-а! Помогите! — раздаётся резкий крик, прорывающийся сквозь ночную тишину. Демон выбегает на дорогу, сцена постановочная, но исполненная с такой убедительностью, что невозможно поверить в искусственность этого момента. Он держится за разорванную руку, каждая черта лица и жест пропитаны болью и отчаянием. Резкое падение на холодный асфальт, хрупкое оглядывание по сторонам — всё это создаёт ощущение реальной опасности. Медленно, словно пытаясь убежать от невидимой угрозы, демон ползет назад, судорожно вбирая воздух, а губы трясутся, будто борются

ся с коктейлем эмоций и боли, пытаюсь произнести хоть слово.

Приманка сработала. Как только из-за угла появляется парень, его шаги становятся быстрыми, почти бегом, чувства и страх охватывают его.

— Эй-эй! Что случилось? — голос наполнен ужасом и искренним страхом, глаза неотрывно изучают раны на теле, пытаюсь понять масштаб бедствия, а внутри Донгука разливается совсем иное чувство. О Дьявол, люди такие наивные существа, но этот запах, что чует тьма внутри — он так соблазнителен, так притягателен, что невозможно устоять.

— Я там... А он... и... — полуслова, за которыми скрывается целая история, а Гук с улыбкой про себя думает: да, так держать, несите Гремми этому актёру. Всё идёт по плану.

— Так, ладно, пошли с нами, — мягко и уверенно произносит блондин, протягивая руку, — мы живём совсем недалеко отсюда. Сейчас ты в безопасности. Идём.

Демон послушно следует за ними, хотя каждый шаг приходится делать с показной болью. Но в глубине души он понимает: сопротивляться сейчас не имеет смысла, проще отыграть ещё пару актов представления. План, который ранее казался совсем другим, теперь меняется на ходу, и черноглазый осознаёт, что убить их в их же собственном доме — гораздо проще и гораздо безопаснее. Эта мысль проникает в его разум, успокаивая и направляя как внутренний компас. Ведь там не будет посторонних глаз, не будет лишних

свидетелей, лишних вопросов. Да и для службы уборки после убийств демонами будет больше времени, — да, такая служба существует.

Наконец, они подходят к нужному дому — скромное здание с едва заметными огнями в окнах. Блондин открывает дверь, мягко проводит «пострадавшего» внутрь, и тот, не сдерживая боли, — на самом деле смеха над доверчивостью людей, — сажается на мягкий диван в гостиной. Тишина наполняет пространство, словно сама атмосфера готовится к следующему акту. Девушка, не теряя ни секунды, быстрым шагом направляется на кухню и вскоре возвращается с набором медикаментов. Она аккуратно приносит всё необходимое, чтобы обработать рану. Донгук наблюдает за ними, и в этот момент ему, словно сквозь тонкую пелену глаз, кажется, что их действительно можно пожалеть. Их наивность, их искренность, их человечность — всё это выглядит так хрупко и уязвимо. Хотя, стойте... нет, ничуть. Его сердце остаётся холодным, и даже самых мельчайших капель жалости в нём не просыпается.

С большим трудом обработав рану, девушка быстро поднимается с места, будто боясь задерживаться рядом с Чоном дольше, чем нужно. Она уходит в другую комнату, оставляя парня одного с гостем. Тем временем блондин, напротив, подсаживается ближе, наклоняется чуть вперёд и пристально смотрит на Донгука.

— Скажи хоть как тебя зовут? Откуда ты? — его голос

звучит спокойно, но с лёгким оттенком любопытства и настороженности.

Донгук откашливается, будто собираясь сосредоточиться, и начинает рассказывать:

— Я Чон Донгук. Шёл домой, — он делает лёгкую паузу, — услышал что-то похожее на вой и пошёл на звук... Но ничего не нашёл. Уже собирался уходить, как на меня набросилось что-то тяжёлое, мохнатое, вонючее и рычащее. Думаю, что это была бешеная собака.

Он говорит это с такой невозмутимостью, словно это совсем не про него и случилось вовсе не сегодня. Его голос ровный, без тени страха или волнения — как будто вся ситуация ему глубоко безразлична. И люди обычно принимают этот холод за шок, за эмоциональную оцепенелость, но Донгук даже не пытается играть в жертву.

Блондин же смотрит на него с явно растущим скепсисом. Да уж, странный портрет получился у этого «нападавшего». И как Донгук мог не справиться с каким-то там вервольфом или другим сверхъестественным созданием? Не смешите его рога. Уж слишком многое в этой истории не сходится.

Чон отвечал на все вопросы Джина с удивительной ясностью и спокойствием, каждый ответ был давно отрепетирован. Его голос ровный, без страха или сомнений, эта беседа — просто небольшая формальность. Наконец, когда напряжение немного спало, парень уже почти готов был приступить к трапезе. Его рот невольно наполнился едкой слюной,

он ощутил необычную остроту клыков, которые стали жёстче и длиннее. Зрачки начали расширяться, наполняя глаза чёрным цветом — признаком того, что его сущность, скрытая где-то глубоко внутри, начинает просыпаться.

Но в самый неподходящий момент в дверь снаружи раздался глухой стук. Джин, мгновенно очнувшись от небольшого транса, встал с дивана и двинулся в стороны двери.

— Сейчас открою.

Он распахнул её настежь. Тот, кто переступил порог квар-

тиры, был точно не человеком. Но и демоном его назвать было бы неверно — совершенно другой запах, иная аура, совершенно другая сущность. Джин и Ынсу, которая так же вышла на звук стука в дверь, встретили парня радостной улыбкой. Они начали оживлённо говорить, рассказывать ему о Донгукке, о том, почему он оказался здесь. Голоса сливались в единый знакомый поток, и демон, внимательно слушая, вскоре узнал нужное имя — Тэхи.

Она бросила на Чона взгляд — простой, мимолётный, но в этом взгляде сгустилась целая вселенная. И тут же Чон увидел нечто совершенно неожиданное: кристально чистый свет, словно луч солнца в тёмной комнате. В её глазах отражалась невинность, доброта, забота, любовь — всё то отвратительное светлое дерьмо, которое обычно вызывает у него только раздражение и отвращение. Но именно сейчас это было настолько реально и ощутимо, что нельзя было не признать — он узнавал эту энергию. Она была чужой, но тревожно знакомой.

План, который казался безупречным, рушился на глазах. Девушка была не просто присутствующей тенью, а самым настоящим ангелом — и не в переносном смысле слова.

Демону нужно было уходить. Прямо сейчас. И побыстрее. Медлить — значит обрекать себя на неминуемое поражение. В голове мелькала только одна мысль: исчезнуть, раствориться в воздухе, пока не стало слишком поздно. Иначе

Он рисковал стать пылью в этом сияющем свете.

Ангелы – это те редкие создания, которых демоны старались избегать любой ценой. Их сила была по-настоящему страшной и непредсказуемой: они обладали способами разрушать тьму, избавляя мир от её тягот и зла.

Донгук уже вскочил с дивана, готовый к любым действиям, но Джин быстро остановил его, усадив обратно и тихо бормоча что-то о том, что сейчас крайне важно набраться сил, отдохнуть и восстановиться. Они настаивали, чтобы демон остался на ночь в их доме, никакие слова или обещания не могли сломить их настойчивость. А уж, силы здесь действительно не помешают — это был факт, который нельзя было игнорировать. Ведь если между ними всё же разгорится драка, противостояние обещало стать долгим и сложным испытанием. Никто из них не знал, чем закончится эта битва, но ясно было одно: здесь потребуются не только сила, но и терпение, и хитрость, чтобы выйти из неё хоть живым, хоть целым.

Он уже имел дело с ангелами прежде, и опыт этот был далеко не из лёгких. Ангелы бывают настолько могущественными, что способны проникнуть прямо в самую глубину души — той самой, что черна как смоль, окутана шипами, пропитана кровью, страхами и болью своих жертв. Их взгляд пронзает, словно холодный меч, безжалостно вскрывая самые тёмные уголки сознания, откуда порой нет спасения. Но и у демонов есть свои козыри — они тоже обладают всяки-

ми крутыми фишками. И в души ангелов могут заглядывать, хоть это крайне неприятно. Там, в её светлой, чистой, безгреховной глубине, словно в прозрачной сфере, собирается всё милое и светлое, чистое и покорное — но с какой-то наивной уязвимостью, словно детская мечта о мире без боли.

Отвратительно.

Разумеется, это мерзость — даже одно только представление о том, чтобы проникнуть в такие сокровенные тайны, у многих вызвало непроизвольное отвращение. Но демоны, которые сумели поглотить души ангелов, в их мире считаются истинными тёмными тварями, обладающими необычайной силой и статусом. Этот страшный титул вызывает жуткое уважение среди всей неживой, жаждущей крови сущности их мира. Донгук не прочь был бы прикончить этого жизнерадостного ангелочка, если бы тот не казался таким беззаботным и веселым. Его слишком забавляет наблюдение за этими созданиями — они глупы и наивны, подобно детям, и в этом заключается вся их слабость и загадка одновременно. Как такие тупицы могут быть такими сильными.

Они с Тэхи некоторое время смотрят друг на друга без слов. Атмосфера становится напряжённой, будто перед бурей, и Джин, наконец, решает усадить ангела рядом с Чоном. Последнего выворачивает наизнанку от того, что пернатая сидит так близко — едва ли не дышит ему в лицо. Внутри всё норовит выплеснуться наружу, но Чон старательно сдерживается. Он знает: если сейчас потеряет самообладание, сни-

зойдет до подхалимства или проявит слабость, человечешка с его подружкой тут же начнут суетиться и переживать. А такая назойливая забота могла довести демона до состояния, когда терпение лопнет. Тогда Чону пришлось бы их прикончить и, почти инстинктивно, съесть, чтобы избавиться раз и навсегда от этой навязчивости. Ангел же, как обычно, в такой ситуации просто свалила бы по-ангельски — тихо, незаметно и быстро, доложила бы о демоне, который прикончил её друзей, куда-то наверх, а потом она продолжила жить, как ни в чём не бывало. Именно так они и поступают — почти всегда. Ябедничают, докладывают, сбегают.

— Эй! — внезапно вскрикивает Гук, вздрогнув от неожиданного толчка локтем в бок. Он быстро оборачивается, стараясь понять, кто решился его прервать, и видит знакомое лицо — Тэхи, которая спокойно смотрит на него, будто тот забыл что-то очень важное.

— Ты забыл, что ангелы умеют мысли читать, да? — прозвучало с лёгкой усмешкой и в то же время с ноткой предупреждения. В этот момент Донгук чувствует, как внутри всё переворачивается. Его начинает буквально тошнить от ощущения неловкости и напряжения. Чон едва сдерживается, чтобы не показать свою слабость.

— О Дьявол, я думал, что ты испарился. Не заметил, что ты всё ещё тут торчишь, — кривится в ответ демон, выплевывая фразы ему в лицо.

— Да ты дерзкий, я погляжу, — спокойно, но с лёгкой

угрозой в голосе произносит Тэхи, скрестив руки на груди и прищурившись. — Смотри не слишком увлекайся, иначе я непременно покажу Джину и Ынсу твою настоящую сущность. Уверяю, они уж точно не обрадуются такому перевоплощению. Тёмные собратья засудят тебя, если этот слух проберется за пределы этого дома и моего рта, — отвечает Тэхи и отворачивается, смотря на вошедших в комнату парня и девушку.

Донгук вполне мог бы заткнуть ей рот — грубо, прямо, без лишних церемоний, но он знал, что такой подход ангелу абсолютно не понравится. Они же невинные святоши с вечными правилами и запретами, и демон не намерен был сейчас устраивать конфликт на пустом месте. Он сквозь зубы выдавил едкую улыбку, делая вид, будто только что не слышал никакой морали и лекций о сущностях и «как правильно надо».

— Донгук, а где ты живёшь? — внезапно обращается Джин, входя в гостиную с подносом в руках. Четыре кружки с ароматным чаем и пиала с печеньем призывали к комфорту всех, кроме тёмного. Демон едва сдерживался от побега.

— Я.. эм, — Донгук морщит лоб, перебирая в голове варианты, но настоящее место, куда бы он мог смело сказать «мой дом», ему просто не приходит в голову. В основном он только приезжает, ночует в отелях, иногда висит в каких-то дешёвых гостиницах, иногда — очень редко — заходит в дом тех, кто попадает в его поле зрения, как сегодня. Это всегда

временно и непривычно. — Эм... По отелям да, наверное, или где получится.

Тэхи смотрит на него с лёгкой улыбкой, будто уже прочитала между строк.

— Так, ладно, я понял. У тебя нет дома, да?

Донгук отводит взгляд, не желая углубляться в тему.

— Слушай, Джин, — вдруг вмешивается Тэхи, поглядывая на друга и слегка приободряя, — я могу приютить его у себя ненадолго. Потому что я знаю, что вы с Ынсу не в состоянии.

От одной только мысли о том, что придётся жить с Тэхи под одной крышей, у Донгука начинает слегка подташнивать. Но вслух он ничего не говорит, лишь глухо издаёт короткий звук, который скорее можно принять за раздражённое «хм». Кого он из себя возомнил? Даже Дьяволу понятно, что он сам не в восторге от своей идеи.

— Ох, хорошо, Тэ! Отличная идея! — Уджин расплывается в своей привычной белоснежной улыбке, которая сразу же делает атмосферу чуть легче. — По правде говоря, я уже собирался предложить тебе переночевать в гараже, но раз уж Тэхи предлагает пожить у себя, то я действительно рад за тебя! Не переживай, я позвоню в службу отлова диких собак, как только проснусь. Тебе можно будет расслабиться и думать только о восстановлении.

— Мальчики, — вдруг вмешивается Ынсу, подходя к компании с лёгкой робостью в голосе, — нам с Джином действи-

тельно нужно ложиться спать. Мы всю ночь на ногах и уже совершенно вымотаны. Ну и раз уж вопрос с ночлегом у вас решён, можно ли попросить вас нас оставить? Просто хотим немного отдохнуть.

В голове демона возникает желание, от которого к паху приливает кровь, при взгляде на девушку. У него не было времени разглядеть её получше, но сейчас, пока она вся такая нежная и робкая стояла перед ним, тёмные глаза облизывали её тело и симпатичное лицо. Так и хотелось её...

Донгук снова тихо взвизгнул, когда в бок прилетел очередной удар, сопровождаемый грозным взглядом ангела. Его раздражение едва ли скрывалось — он считал Тэхи занудой, которая даже пофантазировать не дает. Но тут последовал ещё один, чуть менее лёгкий удар в бок. В голове мелькнула мысль, что этот ангел — самый настоящий придурок, хотя гнев уже начал уступать место смирению. И тут — третий удар, уже гораздо сильнее предыдущих. Донгук чуть поморщился, но ясно понимал, что спорить бесполезно. Он чуть позже просто выпотрошит этого ангелочка, остудив поднявшийся внутри пыл.

И тут его сознание выдаёт интересную идею — он может поглотить ангельскую благодать и подняться в ранге. Он не уверен, услышала ли это Тэхи, но сейчас ему было всё равно. Чону не терпелось ощутить в себе угасающую благодать этого надоедливого чудика в перьях. Настолько, что всё тело покрылось мурашками от предвкушения.

Спустя десять минут они наконец двинулись в сторону дома пернатой. Ынсу, с лёгкой улыбкой, дала Донгуку номера телефонов — свой собственный и Уджина. Это показалось немного забавным — как будто они всерьёз надеялись познакомиться с ним. Да-да, конечно, как же.

Демон медленно достал из кармана слегка помятую пачку сигарет, пощупал её в пальцах, вытащил одну, зажал между губ и плавно поднёс зажигалку. Затем с лёгким кайфом затянулся ядовитым дымом.

Тэхи, стоявшая рядом, недовольно фыркнула, выражая своё неодобрение, но Донгук был абсолютно равнодушен к этому. Ему было всё равно на мнение пернатой задницы — сейчас он наслаждался своей маленькой минутой уединения и спокойствия. После всего того, что он пережил в доме тех людишек, ему нужно было перевести дыхание.

— Ты же знаешь, что обычно демоны и ангелы не дружат, да? — начала Тэхи, оглядываясь по сторонам, словно собиралась признаться в самом сокровенном. — Это как пламя и вода — вроде рядом, но вместе не живут...

— Чёрт, чудила, ты к чему ведёшь? — коротко отвечает Донгук, не особенно задумываясь, словно эта мысль его волнует ровно настолько же, насколько беспокоят пробки на дорогах в час пик.

— Так вот, — продолжает Тэхи, будто стесняется самой себя, — я не... эээ... не хочу придерживаться этих ваших крутых стереотипов про ненависть и вражду. Мне кажется, что

можно как-то по-другому, понимаешь? — голос её становится робким, чуть сиплым, будто она вот-вот признается в самой нелепой глупости мира.

В этот момент глаза Донгука резко распахиваются, будто ему на голову внезапно упала тонна пепла, — он пыхтит, выдыхает длинную струю дыма, кашляет и тут же, не давая отдышаться, с явным раздражением в голосе бурчит:

— Да ты что, с ума сошёл, Татошка, или как тебя там? Что за ерунду несёшь? Демон и ангел — это на века враги, как чай и кофе, только без сахара. Не надо тут выдумывать херню, давай жить как привыкли, а то за пару минут ты уже наговорила его столько, что мне ещё на пару столетий вперёд точно хватит. Вот ты загнул, конечно, — смех разносится эхом по улице, — дружить, чёрт возьми.

— Ты бессердечный! — выпаливает Тэхи, её голос слегка дрожит — она пытается объяснить что-то простое, а слова упорно не хотят ложиться на место. В груди словно сковывает что-то тяжёлое, и даже воздух вокруг кажется плотнее.

— И ты только сейчас узнала об этом, чудик? — с лёгкой насмешкой сразу же отвечает Донгук, встряхивая головой, словно стремясь сбросить с себя непривычное чувство неловкости. — Ни у одного из демонов нет ни капли сострадания, ни грамма души, а, следовательно, и чувств у них тоже нет. Ну, разве что, кроме отвращения к ангелам и прочим светлым и невинным созданиям, как ты! — он морщится, словно перед ним самый мерзкий сгусток света, и голос его

становится холодным и резким, — фу, противно.

Потянув воздух через нос, Чон почти надменно и высокомерно начинает водить руками в воздухе, вырисовывая непонятные рисунки, будто объясняя какую-то непостижимую науку. Глаза при этом он закатывает, словно пытаясь передать всю глубину своей усталости от разговора.

— А ещё мы иногда злимся, — добавляет он чуть медленнее, будто вспоминая что-то давно забытое, — но это происходит так редко, что я и забыл, когда в последний раз испытывал злость. — Он словно поражён тем, что сам сейчас откроет слишком много, и не понимает, почему говорит обо всём этом именно с ангелом перед собой. — Ах да, и напоследок, — в голосе появляется та привычная резкость и капелька лукавства, — ещё мы чувствуем сексуальное напряжение, когда возбуждаемся, но, — резко усмехаясь своей обычной дерзкой ухмылкой, обнажая один из острых клыков, — сомневаюсь, что ты сможешь вызвать у меня что-то, кроме раздражения и ненависти. — Кончик языка провёл по зубу, и взгляд его сверкнул игриво, вызывающе, но вместе с тем с оттенком вызова.

— Мне тебя жаль, — тихо произносит ангел, голос её звучит мягко и немного хрипло, словно в нём слышится груз пережитого. Она медленно отворачивается и снова продолжает свой путь, каждый шаг будто пропитан усталостью и болезненной нежностью. Откуда-то из глубины её души доносится тихий, почти незаметный звук — она шумно шмыгает

носом, пытаюсь сдержать слёзы или эмоции, которые ей чужды, но которые не даёт игнорировать собственное сердце.

Чон сдерживает дыхание, слушая этот слабый, почти невесомый отголосок тоски. В ответ он лишь молчит. Он следует за этим пернатым существом, не отставая ни на шаг, хотя в здравом уме мог бы повернуть и просто уйти по своим делам, забыв обо всём. Почему же не уходит? Почему остаётся рядом, измученный собственной гордостью и неизвестным желанием?

В глубине своих мыслей демон понимает: та холодная неприкосновенность, которой он привык оберегать себя, вдруг начинает давать трещины. Возникает план — хитрый и амбициозный. Он намерен выведать слабые места этого странного чудака, проникнуть в тайную глубину её души и боли, а потом поглотить её благодать и бросить её умирать в слабом теле смертного. В его глазах это звучит как обещание власти и уважения, прилив сил и восхищения среди обитателей подземелья. Самое главное — чтобы сама ангел не догадалась об истинных мотивах демона. Тёмный старался изо всех сил заблокировать доступ к мыслям, чтобы всё прошло идеально.

Половина часа тянется как вечность, пока оба идут бок о бок в сторону дома Тэхи. Донгук не может оторвать глаз от фигуры девушки впереди. Его взгляд словно запечатлевает каждый изгиб, каждую линию. От стройной спины, покрытой лёгкой тканью футболки, мягко двигающейся при каж-

дом шаге, до утончённой талии и манящей, округлой формы. За все века жизни он повидал не мало ангелов — каждый был по-своему прекрасен, но эта... Эта словно выделялась из толпы. Даже при всей своей хрупкости блондинка остаётся беззащитной девочкой, и именно эта фигура, этот светлый образ кажется ему одновременно тошнотворно светлым и невинным, но в то же время дразнящим и невероятно притягательным. Кажется, что в этот момент время замедлилось.

Несмотря на многословную и чуть ли не занудную тираду о том, что ангелы не способны вызвать у него ни малейшего сексуального влечения, сейчас он, словно нарушая все свои собственные убеждения, смотрел вовсе не на ангела. Его взгляд был устремлён на идущее впереди тело — стройное, загадочное и завораживающее, которое, вопреки всяким запретам разума, всё же заставляло в его голове возникать самые непристойные и смелые мысли, роясь там и бурля бурным потоком.

Он даже не отдавал себе отчёта в том, что подумал про себя. Не оставляя возможности избежать её, мысль о том, чтобы присунуть ангелу прежде чем поглотить её благодать, взорвалась в голове демона. Едва осознанная и одновременно достаточно яркая, чтобы заставить мимолётно вздрогнуть внутреннее ощущение.

Тем временем Тэ плавно открыла дверь в свой дом и веж-

ливо пропустила демона вперёд. Надо признать, что внутри было довольно уютно: на первом этаже расположились просторная гостиная, оборудованная кухня, рабочий кабинет и лестница, ведущая наверх. Второй этаж включал в себя две спальни, небольшую кладовую, мини-библиотеку и ванную комнату с туалетом — всё продумано до мелочей и поража-ло своей компактностью и удобством.

Проходя по дому, он невольно пробормотал себе под нос что-то о просторе и задался вопросом, где же эти нимбану-тые берут деньги на всё это.

Чону даже пришлось признать себе, что ему здесь как-то нравится. Дом ощущался уютным, и в какой-то момент ему даже показалось, что он мог бы пожить здесь какое-то время, впитывая спокойствие и порядок этого места. Но эти мысли он сразу же отодвинул прочь, словно закрывая дверь в своей голове на ключ — не позволяя себе расслабляться и забывать о том, что рядом находится пернатая святоша, с которым уж точно не будет легко ужиться.

Когда хозяйка вновь обратилась к нему с вежливым пред-ложением пройти дальше и выпить чаю, Чону слегка нахму-рился, ведь казалось, что та и вовсе забыла о том, что умеет читать мысли. Тем не менее, хозяйка спросила о чае, на что демон мысленно ответил, что они вроде как и не нуждаются в человеческой еде. Однако ангел пояснила, что иногда всё же возникает желание почувствовать что-то привычное и земное, что-то родное для человеческого желудка.

— Бред полный, — отвечает брюнет. Рассматривая полки с дисками, на которых записаны разные фильмы. — Эй, пернатая, а сколько тебе лет? — кричит ему Донгук. Потому что ему реально интересно, сколько этому ребёнку лет. Ничего больше, чем простой интерес.

— Шестьсот двадцать три, — отвечает она через мгновение.

— Ты реально уже столько прожила? Так мы почти ровесники. А почему тогда опыта совершенно не набралась? Тебя что, где-то держали все эти годы? И в каком интересно подвале... — бубнит под нос демон, проводя пальцами по коробкам с дисками, натываясь на некоторые знакомые названия. — Мне шестьсот двадцать один, — зачем-то сообщает тёмный.

— Это, наверное, здорово, — проговорила ангел чуть задумчиво, возвращаясь в гостиную с двумя чашками чая. — Меня, к счастью, ни в каких подвалах не держали.

Она протянула одну чашку демону, и они вдвоём устроились на диване. Тэхи включила телевизор, переключаясь на какой-то канал, где шло странное и немного бессмысленное шоу. Донгук искренне не мог понять, зачем вообще это было сделано — зачем тратить время на такое.

— У тебя столько мебели в квартире, — язвительно заметил демон, — и, по-хорошему, ты вряд ли пользуешься большинством из этого.

Пернатая лишь хмыкнула в ответ, будто давно привыкла

к подобным комментариям, но внутри это слегка всё равно тронуло. Такой разговор был простым и непритязательным, и этим казался дружеским. Ангел не знала, почему демон вообще согласился пойти с ним, почему остался здесь сейчас, когда в любую секунду он мог пойти творить свои тёмные дела, но была благодарна за это. Тэхи была одинока, несмотря на своих друзей среди людей. С ангелами же у неё были весьма напряжённые отношения после одной ситуации.

— Я всем пользуюсь, просто некоторыми вещами очень редко, — она пожала плечами, улыбаясь спокойно, — например, холодильником или кроватью.

Ангел тихо отпила чай, причмокнув после, будто наслаждаясь каждым глотком, — в этих маленьких привычках оставалась частица уюта. Выпить что-то горячее, сидя в тишине гостиной, казалось простым, но важным ритуалом.

Брюнет закатил глаза от этого раздражающего звука и немного поерзал на диване, пытаясь найти удобное положение — спина ныла от долгого сидения, а под кожей тянулись ноющие ощущения, там, где располагались крылья. Они давно не расправлялись, не чувствовали свободы полёта. Прятать то, кем ты действительно являешься, было изнурительно, и в эти моменты, когда можно было оставить маску и просто быть собой, ценилось особенно сильно.

— Ты можешь снять верхнюю одежду и расправить крылья, — спокойно отвечает Тэ, не отводя взгляда от телевизора, словно это самое естественное дело в мире. Её губы мяг-

ко обхватывают ободок чашки, а в тонком потоке дыхания слышится лёгкий, почти незаметный шелест. — Тут достаточно места для этого.

— Ах, ты, развратный ангелок! Хочешь оценить моё тело, да? — Демон играет бровями, поднимая их, и хватаясь рукой за край куртки, будто готов раскрутить ситуацию дальше.

Тэхи не может сдержать неловкий смех. Она заливается лёгкой искрой звука, и тут же бледные до этого щёки вспыхивают ярким румянцем, который подчеркивает неожиданную растерянность.

— Я? С чего вдруг? — Тихо переспросила Тэ, улыбаясь глупой, немного растерянной улыбкой. — И да, я вовсе не развратная, просто заметила, что тебе, наверное, неудобно, и решил предложить снять одежду, — его голос звучал мягко, спокойно, а взгляд ненадолго оторвался от телевизора, чтобы встретиться с Донгуком.

Тот усмехнулся, едва скрывая своё любопытство и игривость в глазах.

— Ладно... — протянул он чуть задумчиво, но с улыбкой, — но я буду следить за тобой и твоими голубыми глазенками! — С этими словами он медленно начал снимать свою кожаную куртку. Затем, не торопясь, снял футболку. Поднявшись с дивана, он с легкостью откинул одежду в сторону, не обращая ни малейшего внимания на её состояние — слишком изорванную и испачканную кровью, чтобы беспокоиться о сохранности. В комнате повисла тишина, наполненная

напряжением, словно пространство застыло на мгновение, ожидая следующего движения.

Крылья пробуждаются от тяжёлой дремоты, словно живые осколки тьмы, расползаются по коже и наполняются жгучей силой свободы — и это чувство одновременно пугает и восхищает. Их демоническая мощь, чёрная и зловещая, медленно раскрывается во всей своей устрашающей величине. Движения плавные, но напряжённые — словно каждый взмах крыльев способен вызвать бурю. Аккуратно, предельно осторожно, чтобы не разрушить ни одного предмета вокруг, демон разводит крылья в стороны. В тёмных комнатных тенях они выглядят как живая тьма, мерцающая зловещим блеском, отражая слабый свет. Он останавливается, оглядывая каждый изгиб и контур, как бы проверяя, что они всё ещё подчиняются ему, что сила демона в их основе не ослабла. Да, он демон — но вовсе не свинья, которая с легкостью крушит всё на своём пути. Его крылья — не только оружие и символ тьмы, но и часть его самого, требующая бережного обращения. В конце концов они способны не только пугать окружающих.

— Лучше? — спрашивает Тэ. Гук кивает в ответ и садится обратно на диван, теперь ему кажется гораздо удобнее, словно какая-то невидимая тяжесть спала с плеч, и в этом новом положении он чувствует себя намного свободнее и спокойнее.

— Облачко, ты даже не взглянешь на моё идеальное те-

ло? — с игривым вызовом обращается он к ангелу, словно ожидая восхищенного взгляда, но та лишь покачивает головой, едва заметно краснея от смущающего дерзкого предложения.

Донгук закатывает глаза, явно поражённый такой реакцией ангела. Да что уж тут говорить, перед ним стоит существо с шестью сотнями лет за спиной — и при этом ведёт себя, словно капризный младенец, вся эта невинность и застенчивость просто поражают его терпение. Дьявол всемогущий, неужели возраст и мудрость вовсе не отразились на ней?

Тем временем чай давно уже выпит до дна, и экран телевизора сменил одно шоу другим, так как времени на часах уже перевалило за десять утра. В комнате стоит тихая, почти убаюкивающая тишина — Донгук и Тэхи лежат на своих местах, погружённые в безмолвное созерцание, не находя другого занятия, кроме как просто сидеть и смотреть передачу. Ведь, если честно, вариантов провести время как-то иначе нет, да и не особо хочется, на удивление.

— Почему ты не снимаешь свою одежду? — наконец не выдерживает демон и поворачивает взгляд в сторону ангела, пытаясь разжечь хоть какую-то реакцию.

— Ах, ты, развратный чертенок! Хочешь оценить моё тело, да? — без промедления парирует ангел, иронично цитируя слова Донгука, отчего в воздухе повисает лёгкий оттенок шуточного вызова, будто между ними начинается невинная игра на провокацию.

Голубоглазая блондинка на миг останавливается, сомневаясь, словно взвешивая в уме всё «за» и «против», прежде чем медленно снять футболку. Её движения плавны и аккуратны, будто она освобождает что-то очень хрупкое — крылья, которые долгое время были спрятаны под тканью, наконец обретают свободу. Лёгким взмахом они немного раскрываются, мягко колышась в воздухе, словно приветствуя новое утро.

Садясь обратно, он чуть смущённо прикрывается руками и крыльями, заметив, что чей-то взгляд внимателен и пристален к его телу. Фигура ангела не может не привлекать внимание — стройная, соблазнительная, каждая линия её словно создана совершенством. Единственное, что слегка выделяется, — это небольшой животик, который придаёт образу ещё большей живости и реальности. На груди блондинки светятся изящные татуировки, выполненные белыми чернилами, едва заметно мерцающие каким-то таинственным светом. Донгук знает, что эти символы — загадка для обычных людей, увидеть и понять их могут лишь сверхъестественные существа, ведь это знаки, известные и понятные только ангелам. Демон не спешит отводить взгляд, снова внимательно обводит всё тело Тэхи, словно стараясь вычленив из внешнего облика скрытые смыслы и тайны. Его собственное тело, так же, как и у ангела, покрыто метками и татуировками — смесью человеческих и демонических символов, выжженных алыми чернилами на коже. Для непосвящённого

глаза они кажутся беспорядочным узором, но у некоторых из них, конечно же, есть своё значение, тайное и глубокое, доступное лишь немногим. Тем не менее сейчас демон отворачивается, скрывая под маской равнодушия размышления и чувства, которые пробуждают эти тихие знаки на коже.

— Кстати, Тэхи, — неожиданно прерывает тишину Донгук, возвращаясь из глубин своих размышлений в реальный мир, — где твой нимб? Потерял?

Обычно, нимбы ангелов выглядят как браслеты на запястьях и видны большинству сверхъестественных существ, хотя для людей остаются невидимыми. Неважно, прячет ли ангел нимб или носит его открыто, сверхъестественный взгляд всегда может разглядеть его, как тонкую пелену света. Но когда Донгук в этот раз попытался заглянуть за иллюзию — ничего. Нет ни искры, ни тени нимба. Тэхи замаялась, глаза её на мгновение потускнели.

— Эм, на самом деле, — начала она, словно не решаясь продолжать, — он у меня был.

— Да ладно. Удивил так удивил.

— Правда, потом кое-что случилось, — продолжила Тэхи несмотря на подкол демона, — и у меня его отобрали, поэтому сейчас я не могу использовать некоторые из своих способностей и живу на земле, — голос стал тихим, почти опустился до едва слышного бормотания, а взгляд устремился в сторону, избегая прямого контакта. Её пальцы задели запястье, там, где прежде сиял нимб, и она с вздохом, густо на-

полненным сожалением и грустью, крепко потёрла эту часть тела. В воздухе повисла тяжесть, невидимой преградой отделяющая его прошлое от настоящего.

— Пернатый, что ты натворил? Расскажешь? — Донгук переводит на неё взгляд, тихо прищурившись, словно пытаясь прочесть на его лице тайную правду. Его глаза становились чуть мягче, проявляя искру неподдельного интереса. Ведь правда, что может заставить ангела потерять свой нимб и упасть с небес? Это звучит как нечто из легенд или древних преданий, но теперь рядом с ним стоит живой пример такой судьбы.

— Нет. Не расскажу, — отрезала Тэхи, голос её был твёрдым, но в нём проскальзывала скрытая боль и нежелание открываться.

Донгук, не теряя легкости, наигранно скривился и улыбнулся.

— Ну и пошел ты нахер, — выдаёт он, когда Тэхи неожиданно ударяет его по руке. — Ауч! — Гук делает гримасу, демонстративно потирая место мнимого ушиба. — Я думал, что вы, ангелы, не прибегаете к насилию! — в его смехе звучит ирония и дружеское поддразнивание.

— Только в крайних случаях, — спокойно отвечает Тэхи, устремляя на друга лёгкую и тёплую улыбку, в которой таится понимание и некоторая мягкость.

Донгук усмехается и, будто проверяя пределы терпимости, добавляет:

— И мои ругательства – это для тебя крайний случай? — повисает некоторое молчание, — Тэхи?

— Да? — мальчик кидает взгляд на демона, встречаясь с его черными как смоль зрачками, что заполняют почти всю радужную оболочку глаз, сливаясь с темно шоколадным цветом по краю.

— Я хочу куда-нибудь сходить. Мне надоело сидеть на одном месте. Ты как, со мной или останешься тут в одиночестве пялиться в экран телевизора? — спрашивает Чон после недолгой борьбы со своими сомнениями. А что — возьмет жертву с собой на свежий воздух — мало ли что. Он всё же хочет повысить ранг, но лишь чуть позже, ему ещё необходимо узнать, как это сделать без риска умереть самому. Несмотря на то, что без нимба в Тэхи не так много благодати, но силы у неё всё же иссякли не до конца, раз её крылья в таком хорошем состоянии и ангельский символы светятся так ярко, оставаясь на коже.

— Эм, да, я пойду с тобой, — робко отвечает она. Донгук замечает на её щёках небольшой румянец.

— Дьявол всемогущий, ты чего раскраснелся-то — я ведь тебе не секс предлагаю. Это просто прогулка, облачко, выгулять тебя хочу перед тем, как прикончить, — демон поднимается с дивана, начиная одеваться. Он ухмыляется, когда видит лицо Тэхи: её взгляд мечется по комнате. — Это тебя так слово «секс» смутило? Смешно, просто смешно.

— Я пойду вверх, переоденусь, — тараторит пернатая и

бросается на лестницу, скрываясь на втором этаже. Пока ангел поднималась, два раза споткнулась о ступеньку, что развеселило демона ещё больше.

Этот ангелок сплошная невинность с львиной долей смущения от всего, что хоть немного не входит в его понятие нормы. Когда же Тэхи всё-таки оделась и спустилась, то они вышли из дома и направились в сторону магазинов. Несмотря на то, что они живут на Земле, им не обязательно придерживаться людского образа жизни: есть, спать, работать. Это намного удобнее. Больше времени на совершение добрых или злых дел. Твари могут устать лишь тогда, когда слишком долго будут использовать свои различные таланты. Ангелы же и другие святоши могут не уставать намного дольше. Это не справедливо по отношению к тёмной стороне.

Когда они уже прошли несколько домов, Тэхи, не удержав любопытства, спросила, куда они направляются. Её голос был мягким, с лёгким оттенком неуверенности, словно она пыталась понять замысел безэмоционального демона рядом.

— Не знаю, облачко. Мы просто гуляем. У меня нет определенной цели, если ты, конечно, не предлагаешь сейчас пойти и убить кого-нибудь, — демон немного улыбнулся, это был не более чем дразнящий выпад. Темноглазому нравится наблюдать за реакцией тупых святош на подобные фразы.

Её лицо мгновенно выражало испуг и досаду, словно в его душе разгорелась внутренняя борьба. Она воскликнула, что,

несмотря на то что её изгнали из Рая, это вовсе не значит, что она станет на сторону зла. Для него такие мысли были неприемлемы, и она искренне хотела донести это до Донгука. В ответ демон лишь спокойно рассмеялся, явно наслаждаясь моментом — для него это была игра.

— Святоша, успокойся, не собираюсь я делить такое удовольствие с тобой, — косой взгляд в её сторону, и черноглазый шагает дальше с самодовольной улыбкой, ему начинало нравиться роль провокатора с этим ангелом.

Тэхи смотрела на него, как на сумасшедшего, несколько секунд, а после отвела взгляд и, видимо, обиделась. Да, ангелы действительно ведут себя, как дети.

— Ты серьезно? Обиделся? Если я скажу, что пошутил, ты перестанешь раздражать меня своим видом, будто принцессе не дали конфету? — проговорил демон, облизываясь от соблазнительных сцен с поеданием очередной души и снеков из плоти.

Он несильно толкнул ангела в плечо. Та пошатнулась и резко остановилась. Донгук встал напротив и положил руки ангелу на плечи, подумав о том, чтобы не касаться кожи святоши.

— Слушай, я ни перед кем не извинялся с тех пор, как стал тварью. Для меня сложно сказать эти, — он отстранил одну руку от плеча ангела и посмотрел на неё, перебирая пальцами, — шесть букв, или сколько их там, ясно? Не надо вынуждать меня говорить то, что я всё равно не скажу.

Тэхи подняла глаза на демона и улыбнулась.

— Что тебя развеселило, пернатая? — Донгук убрал руки с её плеч, делая вид, что на них осталось много грязи, которую необходимо стряхнуть.

— То, что ты действительно поверил, что я на тебя обиделся, — медленно проговорила ангел с игривой детской улыбкой.

— В клоуны заделался? — Это всё доставляло некое раздражение, но не такое, как раньше, немного другое, что казалось слегка странным.

— Тебе не наплевать на меня, Донгук, — она улыбалась ещё шире. Во все свои тридцать два зуба. Ужас.

— Не наплевать? Мы с тобой только познакомились, и для меня ты не значишь ни-че-го. Не льсти себе, чудо в перьях. Я всё ещё не собираюсь с тобой возиться, сейчас развернусь и пойду в другую сторону, — озвучил свою мысль Донгук, закатив глаза, но, несмотря на сказанное и подуманное, они всё равно пошли вместе дальше.

Магазинчики и различные кафе заполняли улицу. Вдруг взгляд Донгука притянула одна из таких витрин. На манекене покоилась кожаная куртка с массивными шипами — именно тот дерзкий стиль, который идеально соответствовал образу Чона. Казалось, она была сделана специально для него: кожа чёрная, грубая, с лёгкой потертостью, а шипы отбрасывали мелкий холодный отблеск. Он сразу представил, как эта куртка будет идеально смотреться с его пробитой гу-

бой и бровью, подчёркивая его смелость и некую таинственность. Татуировки наверняка выгодно дополнили бы этот ансамбль, делая образ завершённым и неповторимым.

— Эй, монашка, давай зайдем? — не дожидаясь ответа, он уже сделал шаг к двери бутика, уверенно распахнув её и войдя первым.

Едва переступив порог, к ним почти мгновенно подошла продавец-консультант — женщина средних лет с модной короткой стрижкой и аккуратным макияжем. Её голос был мягким и профессиональным, она начала рассказывать о том, как эта куртка идеально сидит на мужской фигуре, с энтузиазмом упоминала несколько вариаций модели и обещала подобрать всё необходимое, чтобы создать целостный образ. Но Донгук практически не слушал её речи. Демон выхватил куртку из рук консультанта, как только та принесла её. Она недовольно посмотрела на парня, но ничего не сказала.

Демон ухмыльнулся, подумав о том, что девушка сберегла себе жизнь тем, что просто закрыла свой рот. Голубоглазая смотрела на Чона пристально, читая огонь в его глазах при взгляде на эту куртку. Оказывается, демоны способны хоть что-то почувствовать, если перед ним неодушевленный предмет, который не раздражает их.

Ангел и демон пробыли в этом магазинчике около получаса из-за того, что нимбанутому чучелу захотелось примерить пол отдела с куртками и пальто. Она неспешно перебирала вещи, примеряла одну за другой, словно пытаясь опре-

делить свой стиль или просто тратить время в тщетных попытках выбора. Брюнет, устав ждать, решил не сидеть сложа руки — он вышел на улицу, достал сигарету и закурил. Дым медленно поднимался в воздух, прожигая и без того мёртвую ткань легких, добавляя своё жгучее раздражение.

Мимо неспешно проходила пожилая женщина — старушка, которая брошенным взглядом недовольно окинула демона, как будто осуждая его поведение или просто раздражаясь от его существования. Демон, не желая упускать возможность проявить своё презрение, без особых раздумий фыркнул и ловко поставил ей подножку. Женщина неожиданно свалилась, споткнувшись об выставленную ногу, и при падении уронила свою сумку, из которой рассыпались продукты. Ни капли сожаления или угрызений совести не мелькнуло в его взгляде — ему было всё равно.

Некоторые прохожие, заметив, что старушка упала и рассыпала продукты, поспешили к ней на помощь. Они осторожно поддерживали её, помогая подняться с земли, одновременно собирая рассыпанные вещи обратно в сумку. Чёрные глаза демона сами собой закатились, выражая смесь раздражения и скуки — это вмешательство казалось ему излишним и раздражающим.

В этот момент на плечо Гука опустилась чья-то рука. В первый момент он подумал, что это Тэхи и, слегка отстраняясь, стряхнул руку с плеча, оборачиваясь с неохотой. Но перед собой он увидел совсем не ангела, а своего лучшего дру-

га. Демона по имени Юни. Её лицо озарила тёплая улыбка, и она легко обняла демона. Гук, хоть и удивился, не удержался и обнял её в ответ, зарываясь лицом в шею, словно ища утешения или просто наслаждаясь моментом близости.

Поправочка: Юни — его лучшая подруга с привилегиями.

— Привет, ты чего тут делаешь? Я думал, ты в Нью-Йорке. Как прошла встреча?

— Привет. Я хотела с тобой повидаться. Встреча...ну, думаю, что отец мною доволен, — ответила демонесса, неоднозначно метнув взглядом из стороны в сторону.

— Я соскучился, котёнок. Демон приблизился к Юни вплотную, кладя руки на талию. Его губы накрыли чужие, тут же углубляя поцелуй, сталкивая языки. Несмотря на то, что демоны бесчувственны, это лишь утверждение из серии «почти». Сексуального влечения у их сущностей было хоть отбавляй.

— Донгук? — Тэхи вышла из магазинчика, робко стоя поодаль от демонов.

— Чего тебе, чудик в перьях?

Чтобы спросить это, Донгуку пришлось сделать усилие — оторваться от манящих губ Юни и от языка, сотканного из самых сладких прикосновений.

— Ты идёшь? Или мне лучше вернуться домой самому? — она подняла голову и посмотрела прямо демону в глаза. Ангельский взгляд выражал полное замешательство, но вместе с тем понимание происходящего.

— Не обращай внимания. Идём... — прошептал Гук на ухо Юни. Они развернулись и пошли от ангела в другую сторону. Донгук взял другую черноглазую за руку, ведя дальше по улице. Та же оглядывалась на ангела, что жутко раздражало.

— Что это было? Что за пернатое чучело, Гук? — спросила подруга, отпуская руку.

— Не обращай внимания. Я просто хочу поглотить её ангельскую благодать, чтобы стать истинной тварью. Считай, что это мой ручной попугайчик, — отмахнулся Чон. Юнихватило этого ответа.

Целью было добраться до отеля, чтобы «отметить» приезд друга. Под «отметить» имеется ввиду хорошенько помять простыни и сорвать голос, выстанывая имена друг друга. Для них с Юни это было обычным ритуалом, своеобразной формой общения, когда язык тела говорил больше слов. К тому же, Юни всегда приносила с собой самые лучшие дурманящие вещества и выпивку, которые дополняли этот процесс, заметно усиливая кайф и делая времяпровождение незабываемым.

Каждый раз, забываясь в компании друга, Донгук чувствовал всю силу своего бессмертия, словно парил на грани между реальностью и безумием. Он позволял себе устраивать дикие передозировки, играя с огнём, но никогда не переступая ту самую тонкую черту, которая могла бы разрушить их мир. Это чувство вседозволенности делало его са-

моувереннее, заставляло плевать на всё вокруг. Единственное желание — чтобы его не трогали, не мешали, дали полностью погрузиться в этот сладкий, чистый кайф.

Расцарапанные плечи, спина и грудь, покрытые следами жажды и страсти; море крови, смешанное с потом и теплом, губы, иссечённые и искусанные от поцелуев, — всё это было знаком незабываемых ночей и безумных удовольствий. Порванная, измятая постель становилась ареной их чувства, и в этом хаосе Донгук испытывал глубочайшее удовлетворение. Как же он скучал по этому чертенку, который так умело сбивал его на части, чтобы потом собрать заново.

Тела сливаются воедино окутанные ломаными узорами алых безжизненных лент, что выются из глубоких кровоточащих ран. Затуманенное сознание, подкидывающее возбуждающие кричащие мысли-просьбы и слова: «Быстрее! Сильнее!». Дыхание становилось прерывистым, сбивчивым, настолько напряжённым, что произнести слова вслух становилось просто невозможным, но пульс и тела говорили за них сами.

Чернота глаз превосходит самые тёмные оттенки, существующие в природе, отражая в себе интерьер комнаты и такие же тёмные глаза напротив. Юни всасывала алые капли с остервенением, слизывала их с кожи Донгука. Её тело будто бы магнитом тянуло к черноглазому, и она ничего не могла с этим поделать. И вот, когда самый пик удовольствия приходит, происходит неожиданное: имя, соскользнувшее с уст

Донгука, никак не вписывается в картину происходящего. Оба чуть позже осознают произошедшее, но сейчас каждый находится на самом вершине блаженства, и каждому наплевать на то, что имя ангела вплелось в общий момент двух демонов.

Они поглощены друг другом, искусывая шеи, проводя языками по татуировкам, чувствуя друг друга. Волосы каждого спутались, образуя невообразимый бардак, но обоим наплевать. В помещении творится настоящая вакханалия: воздух с каждой секундой становится всё более и более разряженным, и даже открытое окно в соседней комнате ничуть не помогает снизить температуру тел.

Кажется, что их стоны услышал весь отель, но им опять же плевать, потому что звёзды перед глазами начинают сверкать ярче, а туман в голове сгущается всё больше с каждым движением и выкриком, и тугой узел в животе обоих демонов наконец срывается, накрывая обоих волной наслаждения — с томными выкрикиваниями и глубоко всаженными в кожу когтями и клыками.

Около минуты проходит, прежде чем оба расцепляют свои хватки, выпутываясь из общего плена. Даже кожистые крылья были мокрыми от пота. Они так скучали. Но одно остается необъяснимым: всё то же имя, сорвавшееся с истерзанных губ черноглазого.

Юни и Донгук лежали на кровати, которая была вся измята и выпачкана пятнами алой крови. Из головы не выходи-

ло то, что он произнёс имя этого пернатого чучела во время близости с лучшей подругой. Как так получилось?

Он стал собираться, надевая одежду, которая до этого валялась на полу где попало. Юни не стала ничего спрашивать и комментировать, блаженно развалившись на всю кровать. Спасибо ей за это. На лице, видимо, читалось непонимание ситуации, так что изучающий взгляд подруги не заставил себя долго ждать.

— Я позвоню тебе позже и всё объясню, ладно?

Донгук медленно подошёл к кровати, на которой беззаботно разваливалась его черноглазая спутница. В воздухе витала лёгкая дымка забытья и послеобеденного расслабления. Он наклонился, мягко поцеловал ту, чувственно прикусывая и чуть растягивая нижнюю губу в прощальном жесте, полном нежности и тихого уважения. Затем, не торопясь, взял лежавший неподалёку телефон, словно это был самый обычный ритуал перед тем, как покинуть это укромное место.

Выйдя из номера, он оставил за собой едва уловимый шлейф запахов и воспоминаний. Демон, ставший вдруг столь земным и уязвимым, ещё долго бродил по улицам города — той самой безжизненной куклой, затерянной среди суеты и освещенных неоновыми огнями витрин. Прощедший мимо ночных напрягов и мелких удовольствий, он вдруг осознал, что внутри вновь зашевелился голод: голод, который не подразумевал ни еды, ни воды. Лёгкое голово-

кружение усиливало чувство пустоты и неукротимой тяги. Он уже слишком долго не убивал, слишком долго сдерживал в себе тёмную сторону. Донгук, механически пинающий камень, который случайно попался на пути, смотрел, как он отлетает и разбивает чью-то витрину. Казалось, что ему всё равно на последствия и людской шум вокруг.

Вот вышел продавец, возмущённым голосом начал кричать, но это только раздражало его ещё больше. Донгук пристально глянул на мужчину, глаза наполнились холодом и напряжённостью. Однако продавец всё ещё продолжал требовать возмездия, пока демон не остановился прямо перед ним, как призрак из тёмных глубин.

Взгляд встретились, и произошло нечто странное: злоба в глазах торговца моментально сменилась страхом и непониманием. Он столкнулся с настоящим ужасом из старых легенд. Мужчина отшатнулся, широко распахнув глаза, сам не веря своему видению — перед ним действительно стоял демон. И это была суровая, живая правда, от которой невозможно было отвести взгляд.

Брюнет легонько вздернул голову вверх, тихо спрашивая: «Что случилось?» — на губах играла лёгкая, едва заметная дерзкая улыбка, которая словно смешила и манила одновременно. Продавец, заметив это, запинаясь, пытался выговорить слова:

— Твои глаза... они ч-чёрные, — в голосе и теле ощутимо трепетала дрожь, которая выдавалась не только страхом, но

и каким-то тревожным предчувствием.

Мысли охватило странное, жгучее предвкушение, а по языку пробежал металлический привкус, чувствовалась потаённая нежность крови. Улыбка демона стала шире, наполняя пространство вокруг непроницаемой смесью опасности и обаяния. Чон, не отрывая взгляда от мужчины, медленно и почти ненавязчиво приблизился.

Продавец, почувствовав тяжесть надвигающейся угрозы, отшатнулся назад, бессознательно натыкаясь на дверь. Он поспешно пытался захлопнуть её и повернуть замок, дрожащими руками стараясь запереться, но ощутимая хладнокровность демона словно заморозила движение времени. Демон пристально смотрел, не теряя ни малейшей доли внимания, слегка наклонив голову вбок, как будто это было забавное детское недоразумение. В следующий миг он неожиданно оказался прямо за спиной у мужчины. Лёгкое покашливание в кулак привлекло всю его растерянную и паникующую концентрацию. И вдруг — мгновение, из горла мужчины хлынула кровь, струящаяся медленно, словно живописный чёрный узор, растворяющийся по бледной коже почти безжизненного тела. Момент спустя, душа покинула тело — впиталась в демона, став словно тяжёлым шаром, бьющимся о грудную клетку, отчаянно пытаясь вырваться наружу. Продавец медленно, бесшумно рухнул на пол, превратившись в тихую, холодную и безжизненную оболочку — теперь лишь тело, медленно остывающее в тенях ночи.

Запах крови, смерти и свежего мяса резко ударил в ноздри, вызывая дрожь в каждом нерве. Донгук не мог сдержать себя — рот сам собой открылся, и он облизывался, словно зверь, поймавший свою добычу. Медленно он опустился на корточки, дыхание учащалось, а глаза горели жадностью. Рука уверенно схватила мёртвое тело за волосы, приподнимая бледное лицо продавца прямо перед собой. Его взгляд казался пустым, но в этот момент это не имело значения. Язык Донгука медленно провёл по холодной коже, собирая струйки тёмной крови, которые вились, словно живые, до самой кромки ткани уже насквозь пропитанной футболки. Его клыки обнажились — острые, сверкнув в тусклом свете, и без промедления впились в шею, прорезая кожу и впитывая горячую, железную влагу.

Рот медленно наполнялся, а Донгук глотал, ощущая, как жгучий, густой вкус постепенно успокаивает пылающий голод внутри. Он оторвался от шеи, слегка поджав губы, и в следующий же миг когти со звериной силой распахнули мягкую плоть живота, разрывая её и ощущая под пальцами тепло и внутреннюю структуру. Внутренности стонали под его руками, но демон искал лишь одно — сердце этого несчастного. И когда пальцы наконец сомкнулись вокруг него, зверская ярость и решимость слились в одном движении: сердце было вырвано с дикой жестокостью.

Клыки снова впились, теперь в неподвижную мышцу, пропитанную кровью, и Донгук сосредоточённо впитывал её,

чувствуя, как жажда постепенно отступает, уступая место наполненности и силе. Брюнет задержал взгляд на пустых глазах трупа, ещё миг назад полного жизни, теперь ставшими бездонной пустотой. Он знал — жажда утолена, но ненадолго ли? В глубине души очутился тот же внутренний зов, что снова заставит его искать кровь, тепло и пульсацию живого в холодном мраке.

ГЛАВА 2

Спустя час Донгук уже стоял на стойке регистрации и оформлял номер на имя человека, которого недавно убил. Система корейских хостелов действительно не отличалась особой строгостью — их мало волновало, кто и по чьим документам снимал номер.

В голове снова всплывали мысли об ангелочке, но он старался избавиться от них, глубоко вздыхая и встряхивая головой. В этот момент к нему подошла сотрудница — сексуальная блондинка с соблазнительным декольте, из рук которой он принял ключ от номера. Если бы у него было настроение, он бы наверняка воспользовался моментом, чтобы немного развлечься.

Номер оказался небольшим, но, несмотря на скромные размеры, в нём царила удивительная уютная атмосфера. Донгуку очень хотелось расслабиться и забыть обо всех тревожных мыслях. Он направился в ванную комнату, снял с себя одежду и встал под струи холодной воды. Потоки обволакивали тело, смывая усталость и напряжение, а тёмные волосы становились тяжёлыми и мокрыми. Он опустил голову вниз, закрыв глаза, пытаясь очистить разум, но снова в голове всплыли навязчивые мысли о Тэхи.

Его терзали вопросы, на которые не находилось ответов

— почему именно он? Что с ним не так? И в самый неподходящий момент в сознании возник образ, который невозможно было изгнать — обнажённая Тэхи, лежащая на белоснежных простынях, испещрённых пятнами крови ангела. Её руки были связаны, взгляд умоляющий, а по щекам скатывались слёзы. По телу поселились многочисленные порезы, и из приоткрытого влажного ротика вырывались тихие стоны боли. Этот образ пронзал сердце, не давая покоя и вызывая смесь жалости и растерянности.

Этот сломанный ангел каким-то образом изменила Донгука, затронула что-то глубоко внутри него. В нём пробудилось нечто новое, одновременно искажённое и непривычное. Обычно любой нормальный демон старался бы избегать мыслей о светлых созданиях, не то что бы поддерживать с ними какой-либо контакт. Странно всё это. Что-то с Тэхи было явно не так. Возможно, конечно, играло роль то, что в ней было очень мало благодати, и она, по всей видимости, не так сильно отталкивала Донгука, но это в любом случае не оправдывало того, что происходило внутри демона. Что-то разрушало его внутренний порядок и...

— О, Дьявол! — вырвалось у Донгука как выстрел, резкий и непроизвольный. Он даже не сразу осознал, что его рука уже обвилась вокруг члена, медленно, но настойчиво поглаживая чувствительный орган. Брюнет на миг замер, пытаясь выстроить в голове хотя бы крупницы логики, но напряжение росло, разрывая всё на куски. Наконец он резко выдохнул,

выпуская из себя накопившийся жар, хлеще чем кипяток из душевой лейки, стекающий по его телу, и пытаюсь взять себя в руки, но внутри всё ещё пылала ярость и трепет, не давая ни секунды покоя.

Всё вокруг словно разом перестало иметь значение, сознание утонуло в потоках горячего напряжения. Донгук снова обхватил рукой член, начиная двигать ею быстрее и увереннее, словно пытаюсь утолить внутренний пожар. Мысль о необходимости отвлечься нависла над ним, давя и одновременно придавая сил. В голове неожиданно возник образ Юни — её губы, тело, каждое движение — и это помогло довести себя до предела, несмотря на бурю демонических мыслей внутри.

Выходя из душа, он чувствовал себя измотанным, истощённым, но будто освобождённым. Не утруждая себя прикрытием наготы, Донгук подошёл к окну и устремил взгляд на улицу, наплевав на всё, что могли подумать окружающие.

Люди сновали туда-сюда, создавая вокруг себя суету и раздражая своим бессмысленным движением. Они казались такими жалкими, такими ничтожными в своих беспокойных делах, которые на самом деле не имели никакого значения. Тонкий стон раздражения заполнил тишину комнаты, а взгляд снова невольно изогнулся дугой, отражая внутреннее беспокойство и отчуждение.

Спустя примерно полчаса Донгук спустился на первый этаж мотеля, уже одетый. Он направился в сторону неболь-

шого кафе неподалёку. Было довольнолюдно, ведь время близилось к ночи, столиков хватало с трудом, и все они оказались заняты, что заставило его задуматься, стоит ли оставаться. Не найдя места, он прошёл мимо и направился к небольшому продуктово-универсальному магазинчику неподалёку. Там он приобрёл бутылку дешёвого виски и пачку сигарет, поскольку запас тех, что лежали у него в кармане, уже почти закончился.

Сегодня ему хотелось нарушить привычный ритм и отказаться от своей давней традиции — не заходить в тот самый бар на окраине Сеула, где он обычно сидел в одиночестве, обдумывая недавние события и недоразумения, окружённый дымом и приглушённым светом. На этот раз планы были иными. Не хотелось погружаться в знакомую мутную атмосферу, хотелось понять нечто большее — разобраться в собственных мыслях и чувствах, взявшихся из ниоткуда, особенно понять, почему в голове всё крутилась эта птичка — эта раздражающая пернатая зараза, которая принесла с собой столько вопросов.

Кроме того, на памяти всплыла другая задача — позвонить Юни, потому что когда-то он обещал всё объяснить и внести ясность, а значит, этот разговор нельзя было откладывать. Гудки по ту сторону провода стали звучать с раздражающей монотонностью, один за другим, словно режущие слух ноты, что только усиливало чувство нетерпения и лёгкого волнения.

— Алло? — слышится голос лучшей подруги на том конце.

— Алло, Юни. Привет. Занят?

— Нисколечки, — слышится за спиной. Донгук оборачивается и ухмыляется.

— Сволочь ты, от тебя разит за километр сексом.

— Ревнуешь, малыш? — парировала подруга.

— Ещё чего. Ванильности поубавь, рогатая.

— Люблю твой острый язычок, — Юни притянула друга к себе для быстрого, но глубоко поцелуя. Оторвавшись друг от друга с пошлым звуком, друзья поплелись по улице, разговаривая обо всём и ни о чём.

Донгук так давно не видел Юни после её отъезда в Нью-Йорк, что уже почти позабыл знакомые до мельчайших деталей вещи — запах, голос, даже некоторые маленькие привычки, которые раньше казались такими естественными. Например, то, как Юни иногда потирала тыльной стороной руки нос, когда чувствовала лёгкое удовлетворение от сложившейся обстановки. Это было одной из таких мелочей, которые приносили ощущение домашнего уюта и привычного комфорта. И вот сейчас, во время их разговора, Юни так же периодически повторяла этот жест, и Донгук невольно обращал на это внимание.

— Что с тем ангелочком, чье имя вырвалось у тебя, когда ты почти кончил? Уже успел это выяснить?

С лица Чона исчезла яркая улыбка в момент, как только

упомянули пернатую. Его глаза сами собой закатились, будто стараясь отбросить мысль, которая казалась слишком раздражающей.

— Честно, я понятия не имею, что с это ангельской задницей. Она как-то странно на меня влияет.

— М-м-м... — протянула Юни, задумчиво кивая головой и наблюдая за другом с лёгкой долей сомнения.

Юни, видимо, прочитала в неясном мычании беспокойство и нежелание говорить пока что об ангеле, и не стала добавлять больше ничего, решив подождать готовности друга. Парни тихо прошли ещё несколько метров, прежде чем Донгук заговорил снова.

— Слушай...

Его интересовал вопрос с тем, что происходит после того, как демоны поглощают благодать. Кроме того, существовали личности, которые не любят конкуренции, из-за чего имелся риск за свои смелость и желание поплатиться вечной жизнью. Явно не лучшая перспектива.

— Да?

— Мне что-то типа твоего совета нужно.

— Чего? — подруга вздёрнула брови вверх.

— Как думаешь, эти придурки из высшего совета готовы принять в свои ряды ещё одного младшенького? Симпатичного такого, — с наигранной невинностью на лице Донгук начал как бы показывать лучшие черты своей внешности, — фигуристого, — не забывая провести по аппетитным бедрам

свободной рукой, его большой палец возвращается к губам и проводит по нижней, — умеющего классно целоваться и отсасывать...

— Твою мать, у меня в штанах уже тесно. Ты что творишь?

— А что? Как по мне, им не помешает обновить состав. Уже надоели бродить своей неприступной стаей старомодных дедов.

— Может и мне завести ручного попугайчика? Придём к этим напыщенным придуркам вместе.

— Звучит, как план, — посмеялся Гук, слегка мотая головой из стороны в сторону. — Идём, я хочу выпить, и накуриться травки. Выпивка уже есть, — он показал бутылку виски, подняв её повыше, — ну, а травки я сейчас достану.

Юни достала свой телефон и набрала номер Велиала. Лучший из лучших дилеров, которых можно было найти. Что ж, иметь собственного дилера — это, безусловно, удобно. Всегда можно получить дозу и расслабиться.

Когда они наконец подошли к ближайшему клубу — именно там они и собирались провести очередную ночь пьянства и разврата — у них не возникло никаких трудностей на входе. Казалось бы, обычное дело, но в их случае обстоятельства сыграли на руку. Ведь сегодня вышибалой был их старый знакомый — Чон Ми, который, заметив их, даже не стал устраивать никаких проверок и формальностей. Пожав руку знакомому, демоны вошли в клуб без очереди.

В помещении было ощутимо душно — воздух, пропитанный теплом человеческих тел и холодком случайно пролитого алкоголя, висел тяжёлым и липким туманом. Пахло разгорячёнными телами, переплетёнными в танце и прикосновениях, запах алкоголя, от которого слегка кружилась голова, смешивался с тонкими, едва уловимыми нотками наркотиков и пряным шлейфом страсти и секса. Казалось, сам воздух вибрирует от этой палитры ароматов и чувств. Незримой тенью частицы тяжёлых наркотиков ощущались почти физически — даже самые черноглазые не могли пройти мимо этой завораживающей ауры. Кто-то явно смог пронести эти вещества, и их тонкое, едва заметное присутствие было словно тайным приглашением в мир запретных удовольствий. Донгук и Юни, не теряя времени, направились к бару. На пути они с жадностью глотали принесённый с собой виски, горьковатый и обжигающий на языке, он помогал раскрыться, снимать внутренние зажимы и придавать смелости. Виски постепенно наполнял их тела теплом, обещая, что вечер будет ни с чем не сравнимым, ярким и запоминающимся. И действительно, ночь была именно такой. Демоны, словно выпущенные на волю звери, оторвались по полной программе — они зажигали на танцполе, жадно прижимаясь друг к другу, целуясь и ощущая, как возбуждение, пропитавшее воздух, наполняет каждый новый жест и прикосновение. Их тела двигались в унисон с музыкой, переплетаясь в вихре страсти, который стало невозможно игнорировать. Люди вокруг

с любопытством и завистью рассматривали их с ног до головы, оценивая, желая хотя бы на мгновение присоединиться к этим запретным играм, выставленным на всеобщее обозрение, подобно искушению, но людишки, с их светлыми душами и ограниченными возможностями, были лишь зрителями — их не принимали в тёмных и пылающих удовольствиях, которые принадлежали лишь демонам. В этом мире им не было места.

Долгая ночь веселья сменилась отрезвленным утром, встречей рассвета на крыше какого-то небоскрёба и номером в отеле, сотрясающемся от стонов двух крылатых демонов.

Провалившись с Юни, и разговаривая обо всём, что только взбрело в их головы, Донгук встал с кровати и, пошатываясь от не совсем отдохнувшего тела, направился в ванную. Прохладный душ несколько взбодрил его — капли воды струились по коже, смывая усталость, возвращая способность чувствовать себя живым. Раньше, раньше, когда он был ещё полон сил и энергии, ему не приходилось принимать душ так часто — это была скорее необходимость, чем ритуал. Он не знал, что происходит с ним сейчас, но чувствовал, что что-то изменилось, не так, как раньше. Ему нужно было разобраться в себе, и сделать это как можно скорее, пока всё не стало ещё хуже.

Юни уже не было в номере, когда Гук вышел из душа. Она, видимо, решила не беспокоить друга и ушла. И тут Дон-

гук не собирався винить его, потому что знает, насколько странно тот себя сейчас ведёт, постоянно ища способы развлечья, и стараясь не думать о гребаном ангелочке.

Когда они с Юни почти достигли оргазма прошлой ночью, в момент, когда казалось, что весь мир вокруг растворяется, а ощущения накрывают с головой, мозг Донгука внезапно вырвался из этого состояния. Всплыли мысли о Тэ-хи — неожиданно и без предупреждения. Это был тот самый момент, когда реальность захлестнула его, разбив тёплую иллюзию. Несколько секунд потребовалось ему, чтобы осознать произошедшее — он кончил, думая об этой пернатой дряни, этом проклятом сломанном ангеле. Как так получилось? Никто из них, похоже, не смог бы дать внятного ответа. Ведь они виделись всего один раз, проболтали несколько часов, наполненных холодной неприязнью, взаимной корыстью и скрытыми угрозами со стороны демона.

Донгук, не придавая особого значения оставшимся чувствам и мыслям, быстро оделся и вышел из отеля. Его шаги были легкими, — впереди лежала дорога к похоронному бюро, месту, которое всегда даже ему казалось слишком уж мрачным. Нет, он не намеревался заказывать гроб или устраивать поминки — это выглядело бы нелепо, учитывая, что он был уже шесть веков мертв, но именно в этом бюро находилась местная демоническая секретная база, спрятанная под видом обычного предприятия. Звучит комично. Однако выбора у него не оставалось — ему срочно нужно было

немного побыть в окружении тьмы. И Юни была не в счёт, её слишком мало, чтобы заглушить надоедливые мысли.

Массивная резная дверь с лёгким скрипом поддавалась давлению, и брюнет, собрав в кулак всю возможную смелость, а может быть, скорее проявив свой обычный пофигизм, шагнул внутрь. В помещении царила густая тьма, но зрение демонов приспособливается с поразительной быстротой к самым мрачным уголкам. В воздухе стоял резкий, неприятный запах крови — густой, пронзительный и живой. Это был явный признак того, что старейшины совета уже за обедом — такую картину невозможно было спутать с чем-то иным. Чем ниже он опускался к двери подвала, тем сильнее становился этот запах — смесь свежего мяса, пролитой крови, неотвратимой смерти и тех беззащитных душ, что медленно растворялись в тисках мрака. Сделав глубокий вдох, пропитанный терпким металлическим оттенком, демон переступил порог огромного зала.

Здесь лишь один тусклый источник света боролся с мраком — слабый луч солнечного света, пробивавшийся сквозь узкое, едва заметное окно под потолком. Он слегка освещал пространство, создавая зловещие тени и подчеркивая детали окружающего безумия. Перед Донгуком развернулась картина, которая заставила бы содрогнуться любого смертного или святого: шестерка взрослых мужчин, погруженных в своё жестокое и пугающее занятие, с острыми, словно ножи, когтями выдирали сырое мясо из тела, очевидно, женщины.

Её тёмные волосы и яркие голубые глаза выделялись даже в этом тусклом свете, переливы крови на светлой коже создавали жуткую завораживающую игру бликов, но жизнь покинула её тело — она была уже мертва, обречена на то, чтобы стать лишь очередной закуской для этих бездушных существ.

Голода не чувствовалось — что было очень странно для Донгука. Обычно он бы уже давно изнывал от желания перекусить, ощущал этот мучительный, навязчивый голод, который с каждым мигом становился всё сильнее и не давал покоя. Но не в этот раз. Его глаза лишь потемнели от резкого запаха, окутывающего помещение, а тело оставалось спокойным, неподвижным, словно бесчувственным к привычным потребностям. Вдруг раздался голос, пронзительный и жизнерадостный, нарушив густую тишину:

— Донгук~и! Какими судьбами в нашем небольшом захолустье? Что тебя тревожит, мой милый маленький Гук? — протянул со своей кровавой улыбкой один из старейшин.

Это был До Вон — самый молодой среди них, хотя его возраст в три тысячи лет выглядел на фоне остальных почти юношеским. Он был одет с присущим себе лоском и элегантностью, словно сошедший с гравюры времен девятнадцатого века. Что поделать, тот период моды понравился ему больше всего, и в любое свободное время он обязательно возвращался к своим излюбленным одеждам. На ногах у него были брюки, выглаженные до идеального состояния, подчеркива-

ющие собранность и изысканность. Жилет на его туловище скрывал важный и строгий галстук, а под ними белоснежная рубашка с широкими рукавами, зауженными на манжетах, словно была свидетельством утонченного вкуса и бесконечного внимания к деталям.

Ещё есть близнецы О Со и О По, которым по четыре с половиной тысячи лет. Они строили из себя дерзких парней всё время, пока Донгук знал их. Те хорошо вливались во все века, которые проживали, меняли образы, красили волосы. Они легко вписывались в любую эпоху, меняли образы и стили, экспериментировали с внешностью. Один из братьев, старший близнец — О Со, выделялся особенно. Его волосы были окрашены в ярко-красный цвет и зачёсаны назад, с длинными прядями, спускающимися ниже плеч на затылке. Выбрита была бровь, аккуратно разделенная двумя полосами, а по рукам, шее и торсу располагались чернильные рисунки, придававшие ему дерзкий и вызывающий вид. Его младшая на несколько минут копия – О По – хоть и был близнецом Со, но отличался от него внешне и по характеру. В отличие от яркого и экспрессивного Со, у По угольно-чёрные волосы, выстриженные в современном стиле, без ярких акцентов. На шее у него были видны татуировки, похожие на человеческие, что само по себе уже было необычно для их рода. В поведении По проявлялась сдержанность, отсутствие излишней грубости и резкости, что делало его гораздо более уравновешенным и спокойным по сравнению с братом.

Немного в стороне от стола стоял Хан — самый молчаливый из старейшин, которому было шесть тысяч с половиной лет. Его руки медленно вытирались о полотенце, смывая следы крови после последнего дела. Несмотря на скромное молчание, он знал больше, чем кто-либо мог предположить, и каждый его взгляд был пронизателен до предела. Внешне он выглядел как человек примерно сорока лет: волосы были светлыми и коротко подстрижены, черты лица грубые, но не слишком резкие. Глаза его пылали зелёным светом, если не окутывались тенью тьмы — тогда взгляд становился почти непроницаемым. По его предплечьям, как у всех старейшин клана, тянулись тёмные руны — за тысячи лет они почти срослись с кожей и выцвели, но всё ещё проступали под ней при движении.

Ещё один член круга старейшин клана — Харви, которому было около семи тысяч лет. Казалось, что он даже не прикасался к трапезе: его одежда была безупречно чистой, кожа сияла свежестью, словно он только что вышел из какого-то светлого святилища, полностью отрешенный от суеты и пыли этого мира. Харви восседал в глубоком кресле тенью в самом тёмном углу просторной комнаты, погружённый в чтение книги. Казалось, он листал её не в первый раз — страницы были знакомы ему, будто бы древний друг, с которым он вёл бесконечные разговоры. Мягкий свет, проникающий в комнату, обрисовывал его лицо, подчеркивая задумчивость и спокойствие, с которыми он впитывал каждое слово.

Осталась ещё Эсме — лицо и сердце клана — ей восемь тысяч лет. Время для демонов измерялось не годами, а вечностью с хвостиком, и возраст Эсме постепенно приближался к отметке в девять тысяч лет. Все остальные, даже те, кто не входил в этот элитный круг старейшин, были всего лишь пешками на доске их тёмных шахматных партий — марионетками в руках истинных властителей и мудрецов.

Несмотря на свой многотысячелетний возраст, она выглядела как юная девушка с густыми черными волосами, яр-

кими голубыми глазами и пышными розовыми губами. Она будто была воплощением хрупкой невинности, всегда одетая в идеально чистое белоснежное платье — таких у неё было множество, целая гардеробная, полная лёгких и воздушных нарядов. Слабость и очарование этой внешности были её мощным оружием — ни один смертный не станет отказывать маленькой миловидной девочке, если она попросит помочь найти что-то в тёмном и заброшенном переулке. Никто не подозревал, насколько глубоки и холодны её мысли, спрятанные за этой кажущейся невинностью.

— Что-то у Вас тихо тут. Все вымерли? — Спросил Донгук у До Вона.

Старший демон обвёл одну руку вокруг плеч гостя.

— А ты хочешь вечеринку?

— Вечеринку? В каком ты веке, Вон? — Из рта Гука вырвался смешок, но он быстро заглушил его под взглядом второго.

— Пойдём спросим у Эсмеральды. Вряд ли она будет против, — и демон повёл младшего к Эсме.

Девочка сидела на диване и читала какой-то современный журнал, мотая одной ногой, закинутой на другую. Она напевала какую-то мелодию — лёгкую и беззаботную, словно детскую песенку, — её глаза мелькали по страницам, но мало кто знал, насколько глубока и коварна эта невинная с виду особа. Внутри неё таились вечные тайны, скрытные планы и

холодный расчёт — она не была просто маленькой девочкой, каким её видели окружающие.

Эсмеральда услышала о вечеринке от своих слуг, которые незаметно донесли ей слова Донгука и До Вона. Ничего не способно утаиться от неё, она узнавала обо всём молниеносно. Она внимательно слушала их рассказы, сидя в тени своего зала, словно впитывая каждую деталь. Когда слуги приносили имена и говорили о предстоящем событии, в её взгляде мелькнул лёгкий интерес, но настоящая игра началась, как только к ней пришёл Донгук и До Вон.

Она медленно подошла к младшему демону, её движения были плавными и грациозными. Начала неспешно кружиться вокруг него, изучая с разных сторон. В это время в его голове роились странные, почти лишённые смысла мысли об ангеле, и она услышала их надоедливое жужжание. Эсмеральда пыталась выудить из этого образа подсказки и понять, какую роль этот ангел играет в происходящем. Её взгляд стал глубоким и настолько проницательным, что в комнате стало холоднее.

— Тебе нужно отвлечься, мой дорогой, — прошептала Эсме брюнету на ухо и резко сменила настроение вокруг, — Су Бон! —позвала она своего прислужника. Тот мигом вошёл в кабинет и поклонился Эсме. — Милый, у нас гости, не мог бы ты позвать остальных? Сегодня у нас небольшая вечеринка, — проговорила она с невинным выражением лица.

— Конечно, моя Госпожа, — тут же ответил Су Бон, не

раздумывая ни секунды, и быстро подошёл к демону. Он протянул свою руку вперёд, слегка напряжённо, но в то же время с уважением, принимая чужую ладонь. Между ними прошла невидимая связь, и они вместе начали движение через длинный коридор, где стены были украшены старинными гобеленами и мягко освещены лампами. Вскоре они вышли из офиса Эсме, и оказались в просторном зале с камином, книжными полками, аристократической атмосферой и ароматом вековой затхлости в воздухе. — Подожди здесь, скоро все придут.

Донгуку показалось, что всё было слишком уж напряжённо и как-то официально. Было не поздно свалить из этой демонической богадельни, в которую её превратили за последние пару сотен лет, но демон еп стал этого делать. Не сказать, что он полностью смирился с тем, что ему предстоит находиться в компании старейшин клана, строить из себя их верного слугу и терпеть их наигранные светские разговоры. Перспектива поехать одному в бар и перехватить там какую-нибудь смертную звучала куда заманчивее. В противном случае, подумал демон, всегда можно уйти отсюда. Его ведь никто не станет удерживать против воли. Эсме захотела ему помочь, что было крайне удивительным, но вряд ли она будет делать это насильно.

Потом всё закрутилось слишком быстро. Несмотря на вечную жизнь зла, Донгуку показалось, что время летит слишком быстро. Его напоили какие-то девушки, которые,

как позже выяснил демон, сделали это по приказу госпожи. Сама же Эсмеральда восседала на бархатном красном кресле в углу комнаты и наблюдала за всеми демонами, которые пришли на их вечеринку, изредка что-то говоря Су Бону, на коленях сидевшему подле неё.

Спустя два часа, Донгук уже не сопротивлялся вовсе. В его тёмной крови медленно расплзлся какой-то неизвестный ему до этого наркотик, который притащил Велиал, его дилер, когда получил звонок. Вот за что Донгук любит этого парня, он действует быстро и качественно.

— Тебе ещё чего-нибудь принести? Могу смотаться туда-обратно, — расслабленный, Велиал сидел рядом на большом кожаном диване и покуривал косяк, — ты только скажи.

— Не, от этой дури, которую ты мне дал, эффект до сих пор остался.

— О, рад слышать. Это моя новая разработка. Только неделю назад начал выводить её на рынок среди тёмных. Если уж сам Чон Донгук хвалит мой товар, то и остальным он точно вкатит, — непринуждённо рассмеявшись, Велиал сделал ещё одну глубокую затяжку и перевёл взгляд на Эсме. — Она с тебя глаза не сводит всё это время. Ты чего такого натворил?

— Да ничего такого, — демон слегка выпрямился на диване, на секунду глянув на девушку в углу комнаты, и снова отвернулся, — не успел прийти, так мне сразу в лоб вопрос прилетел про вечеринку. Потом Эсмеральда в голове начала

копаться, а там сейчас столько всякого бреда... Она и подумала, что вечеринка — идея неплохая. А что конкретно она там нашла, — постучав по своему виску указательным пальцем, Чон, взял со стола свой стакан с виски и откинулся на спинку дивана, — я понятия не имею.

— Понял, — решив отстать от демона, Велиал со звоном ударил своим стаканом о стакан клиента и удалился в толпу.

Музыка играла средняя между современной и старинной, что воспринималось безвкусной какофонией в понимании Гука, но возражать никто не смел, ибо начались бы споры между поколениями тёмных, которых здесь было множество.

— Скучаешь?

Донгук не заметил, как к нему подошёл Су Бон. Прислужник их тёмной Госпожи как-то подозрительно улыбался, но Донгуку сейчас было всё равно. Кайф в его крови и голове сглаживал всё, что происходило вокруг. Даже прикосновение руки этой мелкой сошки ощущалось как что-то происходящее не с ним. Чон подумал о том, чтобы попросить у Велиала ещё этой классной дури в следующий раз.

Как демон оказался в тёмной спальне с огромной кроватью, он не понял. И, по правде говоря, ему было всё равно, как именно это произошло, но Чону было до ужаса неприятно здесь находиться. Он был против компании Су Бона сейчас, но его тело будто по велению неизвестных ему сил просто следовало за демоном.

Чон опустил на чёрные простыни, не понимая толком, зачем подчиняется. Прислужник стянул с него рубашку, обнажая шею и грудь, — без спешки, словно у него было всё время мира. Гук следил за каждым его движением, не отрывая тёмного взгляда. Мёртвое сердце под рёбрами, казалось, вот-вот начнёт биться. Су Бон медленно навис над демоном. У Донгука не было в приоритете ситуации, когда он отдавался бы кому-то вот так легкомысленно. Но сейчас, оглушённый дурманом, он не мог сопротивляться — просто лежал и ждал, что сделает с ним Бон.

Прислужник медленно провёл когтем по обнажённой груди демона, вспарывая кожу, и приник губами к выступившей крови. Не дав привыкнуть к ощущению, он впился клыками глубже. Брюнету поначалу было неприятно, но потом тело вздрогнуло от чужих клыков, и по венам прошла странная, тягучая дрожь, отчего тот начал слегка постанывать, закусывая нижнюю губу.

Су Бон пил жадно, будто не мог остановиться. Прислужник на миг замер, распробовав вкус, — что-то в этой крови было не так, слишком живое для мёртвой твари, — и от этого впился лишь сильнее. Гук стиснул зубы от боли, что мешалась с подступающим против воли дурманым наслаждением, и едва заметно кивнул: чем быстрее всё закончится, тем лучше. Сам факт того, что эта ситуация была сплошной шуткой над ним, выводил Донгука из себя. Он чувствовал, что это было не желанием самого прислужника, а приказом

его Госпожи.

Приоткрытые губы прислужника изредка вытягивались в блаженной улыбке. Су Бон будто опьянел от крови, всё крепче вжимая демона в простыни, не отпуская ни на миг. Боль почти ушла, и на смену ей пришло мутное, навязанное дурманом оцепенение. Поза поменялась — теперь Чон прижимался спиной к торсу Су Бона, прогибаясь в пояснице. Когти прислужника мелко раскраивали грудь, живот и плечи демона, клыки впивались в шею. Раны тут же начинали затягиваться, а им на смену приходили новые. Мысли в голове перемешались, голос совсем пропал. Донгук мог вымолвить только еле слышное «хватит». Бон отвёл взгляд от перекачивающихся под кожей мышц на спине Донгука, запрокинул голову, уставился в потолок, не отрываясь от обмякшего тела. Затем он схватил шею брюнета, снова притягивая к себе, придушивая, впился клыками в бледную шею, и без того измазанную кровью, пуская новые узоры по бледной коже. Глаза становились всё темнее и темнее, что казалось невозможным, дыхание сбивалось и замирало.

Крови было всё больше — когти прорывались наружу, царапая бока, бёдра и плечи. Острые клыки терзали кожу, оставляя кровоточащие ранки. Вены проступили ярче на руках Су Бона: он изо всех сил пытался сдерживаться, не выпить лишнего. Каждый новый укус становился пыткой. Ещё мгновение — и по измотанному телу прошла тяжёлая, дурманная волна, и силы окончательно оставили демона. Мыс-

ли перемешались в хаотичном потоке, и Чон закрыл глаза, проваливаясь в тёмную бездну.

Открыв глаза спустя некоторое время, Гук, признаться честно, немного испугался того факта, что он вообще отключился. В комнате теперь стало ещё темнее, чем было до этого, — это первое, что бросилось в глаза.

Брюнет поднялся на локтях и осмотрел комнату. Воспоминания о произошедшем с Су Боном прошли быстрым потоком в голове. Всё тело было в кровавых укусах и царапинах, отчего-то плохо затягивающихся теперь. Демон встал с кровати и оделся, собрав свою одежду с пола. Когда он вышел из комнаты и прошёл в главный зал, там никого не было. Видимо, вечеринка уже закончилась, и гости разошлись по своим делам. Пройдя ещё по нескольким комнатам и никого не найдя, Гук вышел из логова и пошел в тот самый бар на окраине Сеула. Бармен не стал задавать вопросов, а просто выполнил постоянный заказ — виски со льдом, бросив мимолетный взгляд на виднеющийся след от зубов на шее демона. Опрокинув в себя несколько стаканов с алкоголем, Донгук побрел вон из бара в сторону, кажется, дома Тэхи.

Мозг был затуманен, в желудке ощущалась пустота, ноги подкашивались, но демон шёл прямо к цели. Позвонив в дверь и подождав немного, он хотел было уже уйти, но дверь открылась и на пороге оказалась ангел.

— Донгук? О, Боже, Чон Донгук! — вскрикнула Тэхи и помчалась к демону, обнимая его. Она была в одной футбол-

ке и ночных штанах, не потрудившись скрыть крылья. Демон обвил свои руки вокруг её талии и приблизил ближе к себе. Уткнулся лицом в её шею и вдохнул приятный аромат ангела. Он стихнет всё это на алкоголь чуть позже, но сейчас отчего-то не мог отстраниться. Они простояли, обнимаясь, около минуты, пока Донгук не почувствовал, что Тэ дрожит.

— Чучело, ты чего? Это от холода что ли? Ты это, давай, иди в дом, — он оттолкнул Тэхи от себя, осознавая, что обнимал ангела и только что проявил к ней заботу.

— И снова ты меня отталкиваешь, — ничуть не обиженно сказала Тэхи. Она развернулась и прошла внутрь, приглашая демона последовать за ней.

— Ты ожидал чего-то другого от меня?

Чон всё же прошёл в её дом, закрывая за ними дверь.

— Ну, хотя бы не столь сильного толчка, — наигранно обиженно произнесла блондинка и села на диван, потирая плечи, как будто ей действительно было больно. А может Донгук себе что-то придумал, ощущая дрожь, и она исходила не от ангела, а от него самого?

— Многого хочешь, облако, — хмыкнул брюнет, залезая на диван, садясь рядом с ангелом, — жалеть тебя я не собираюсь.

По телеку шло какое-то шоу, которое смотрела Тэхи. А Донгук смотрел на «облако» перед ним, думая о том, что почему-то всё ещё не убил её. И боялся действительно и безоговорочно признать, что этот ангел повлиял на его жизнь

совсем не так, как он рассчитывал. К тому же слишком быстро. Слишком.

— Чаю?

— Нет, не хочу я всего этого человеческого, — он имел в виду не только чай или еду, но и чувства. Чон понимал, что то, что с ним происходит — невозможно, потому что он контролировал это шесть веков подряд.

— Хорошо, тогда я налью себе чаю, а тебе виски? Коньяк?

Ангел имела хорошо развитую интуицию, по всей видимости — раз уж демоны не гоняют чай, то не откажутся от глоточка алкоголя. И оказался прав: Донгук одобрительно кивнул ходу мыслей ангела. Та пошла на кухню.

— Так виски или коньяк? У меня ещё есть какая-то настойка с вишней и.. Что это? Ром?

— Откуда в твоём мини-баре что-то кроме какао с зефирками, да ещё и в таком количестве? — насмешливое фырканье вырвалось из груди демона.

— Если ангелы не пьют алкоголь, то это не значит, что мы боимся его как огня, да и кроме того есть всё же ангелы, которые не считают запрет на алкоголь относящимся конкретно к себе, — неловкое молчание наполнило дом на несколько секунд, — так что тебе налить?

— Давай свою настойку, только неси сюда всю бутылку.

Вернувшись с чашкой чая и бутылкой вишневой настойки спустя пару минут, Тэ уселась снова на диван, случайно касаясь крылом волос демона. Донгук слегка отодвинулся,

делая вид, что ему неприятно.

— Прости, — Тэхи попыталась сложить крылья так, чтобы не задеть парня рядом, и у неё получилось, на что она лучезарно улыбнулась, посмотрев на Донгука.

— Дьявол, как же ты раздражаешь этими своими ухмылками, бесит!

Улыбка тут же сползла с губ ангела.

— Я уже и забыл, что ты типичный демон, — обиженно произнесла блондинка, уставившись на черноглазого.

— Зря. Не забывай об этом, чучело небесное.

Донгук ухватился за бутылку настойки, открутил крышку и сделал сразу три больших глотка. Он резко выдохнул, а потом удовлетворительно улыбнулся. Уголки губ ангела снова поползли вверх от того, что Донгуку понравился предложенный алкоголь.

Демон посмотрел на ангела и закатил глаза так сильно, как только это было возможно. Он терпеть не мог ангельскую сущность, их натуру, эту лучезарность и радость в их образах.

По телу пробежали мурашки от неприязни. Он тут же глотнул ещё обжигающей горло приторно сладкой жидкости, поставил бутылку на столик, схватил ангела за шею и придвинул её лицо к своему. Тёмные глаза столкнулись со светлыми, напряжение и непонимание по двум сторонам дивана разрослось резко и с невероятной силой.

— Ты так бесишь, — челюсть Донгука сжалась, — не ду-

май, что мы станем с тобой друзьями, пернатая дрянь, я намерен просто дождаться, когда тебя снова вознесут на небеса, нимбанут тебя каким-нибудь позолоченным небесным посохом по голове или чем у вас там принято, и я смогу поглотить твою благодать, — последнее слово Донгук выплюнул с отвращением на лице.

Все эти небесные слова, что ему приходилось иногда проносить, жутко раздражали. Он злился так сильно в этот самый момент из-за своих же мыслей, желаний, из-за того, что он вынужден был ждать так долго, и из-за поведения ангела.

Глаза Тэхи испуганно бегали по лицу Чона, вдохи стали частыми и неустойчивыми, рука, тянувшаяся в тот момент, когда демон схватил её, в сторону кружки с чаем, задрожала. Крылья ангела расправились позади неё. Будто у кошки шерсть встаёт дыбом, так и крылья сейчас топорщились, едва не задевая полку с книгами.

— Страшно тебе?

В ответ последовало неуверенное мотание головой из стороны в сторону. Донгук немного вздёрнул брови, а после прищурил тёмные глаза.

— Ни чуточки?

— Ни чуточки.

Тэхи сглотнула вязкую слюну, наполнившую её рот и подступившую к горлу. Ей, правда не было страшно из-за Донгука, она думала совершенно о другом и приходила не то чтобы в состояние страха, это был скорее настоящий ужас.

Она вроде бы и не соврала демону напротив, но и не дала знать всей правды, и теперь была в шоке от того, что в её голове даже после изгнания всё ещё возникали такие мысли. Грязные и неправильные. Те мысли, которые и стали причиной изгнания. Она сломанный ангел, которая нарушила ни одну заповедь Господа.

— Тогда чего же ты весь трясешься? — брюнет сжимает волосы на затылке Тэ и слегка тянет за них, заставляя ту поднять немного опустившуюся голову, — Говори!

Крик демона резанул по ушам, и ангел вздрогнула.

— Я, кажется...

— «Кажется» что?

— Кажется, я хочу тебя поцеловать.

Теперь в ступор впал Донгук. Мысли били бурным потоком в голове, пытаясь выстроить хоть какую-то логическую цепочку. Демон задался вопросом, не подводит ли его слух?

— Чё ты щас сказал? — демон поморгал несколько раз, вздёргивая бровь и ослабляя хватку на волосах Тэхи.

— Я хочу тебя поцеловать.

— Тебя чёрт по голове саданул где-то на выходе из рая или что?

— Нет, я...

— погоди, чёрт, — демон резко прервал толком не начавшуюся тираду ангела своей ладонью. Глаза в глаза они смотрели друг на друга — демон пытался разглядеть насмешку, но видел лишь надежду и что-то ещё, чего Донгук не мог по-

нять.

Гук убирает свою ладонь с губ Тэхи, тут же обращая на них своё внимание. В меру пухлые, налитые кровью, на вид мягкие и нежные.

— А не пожалеешь? — Для Донгука это резко превратилось в интересную игру. Он отбросил все свои мысли и опасения. Сейчас ему хотелось испытать судьбу.

Правда ли ангел напротив хочет его поцеловать, или это какая-то бредовая чушь, которая вылилась из уст этого ребёнка. И осмелится ли она не отстраниться от тёмного?

— Нет, — казалось, Тэхи пыталась сказать это с большей решимостью, чем у неё вышло, но во взгляде уверенности прибавилось.

Донгук хмыкнул и притянул к себе ангела, резко впиваясь в её губы. Оба глубоко вдохнули, ощутив яростное соприкосновение. Они всё ещё смотрели друг другу в глаза. Не отрываясь ни на секунду и не отводя взгляд. Выпустив воздух из легких, демон сменил положение губ, слегка ослабляя хватку на затылке ангела. Губы горели, кожа в местах соприкосновения тоже. Он переместил свою руку на щеку Тэхи, проводя пальцами по скуле. Донгук почувствовал, насколько нежна кожа, пропитанная небесным светом.

Несмотря на то, что в блондинке осталось своём немного благодати, она всё равно ощущалась очень сильно. Глаза ангела закрылись, и та отдалась моменту, думая о том, что прошлый её поцелуй с демоном ощущался не так приятно,

как этот.

Донгук снова хмыкнул в губы Тэхи и тоже закрыл свои глаза, слушая её одобрительные вздохи. Его забавляла мысль, что сейчас он стоит на грани правильного и неправильного, но ведь в этом и заключается суть тёмных, демоны должны совершать ошибки и подбивать на это других.

Медленно их губы всё ещё соединялись в поцелуе. Руки ангела легли на плечи Донгука и поползли вверх, к шее, обвивая её руками. Она придвинулась ближе, прижимаясь некоторыми участками кожи к парню напротив. Электричество будто наполняло их тела, тату начали светиться ярче, с каждым движением губ словно наполняясь силой.

Крылья ангела накрыли тело демона, и они придвинулись ещё ближе друг к другу. Демон обвил свободной рукой талию Тэ и прижал её к себе, заставляя слегка прогнуться в спине. Символы, выведенные на их коже, будто начинали гореть сильнее с каждым мгновением, в которое их губы касались друг друга. Это почувствовали оба, потому что их брови нахмурились, а в губах чувствовалось нарастающее напряжение.

Первой отпряла ангел. Она не открыла глаза, лишь сильнее зажмурила их, отворачивая голову и кладя руку на часть рисунков на её ключицах. Тэхи слегка зашипела, ощущая по всему телу неприятный ток.

— Что произошло? — Демон осматривал тело блондинки, находясь в шоке от того, какой сильный свет исходил от её

ангельских тату.

— В.. прошлый раз было так же, — Тэхи заметно начала нервничать. Она открыла глаза, осмотрела себя, затем посмотрела на тело демона, чьи символы тоже светились очень ярко, и подняла взгляд на лицо Донгука. Их глаза тоже изменились. Голубые сияли ярче неба в солнечный день, а тёмно-карие или, чаще чёрные, вдруг налились алым цветом по краю радужки, тоже наполняясь светом.

— Это твой какой-то коварный план, пернатый?

Донгук ощущал прилив силы в своём теле, которое разливалось волнами по венам. Символы словно стали огнем и опаляли пламенем его кожу изнутри.

— Нет, но из-за подобного меня и изгнали с небес, — Тэхи тяжело дышала. По ней было видно, что ей больно.

— Что, мать твою, это значит? Заранее сказать нельзя было? Ты же ангел, чёрт тебя дери во все щели! — Донгук вскакивает с дивана, смотря на свои руки. Вены вздулись от напряжения. В демоническом теле просыпалась ярость, которой прежде Донгук не ощущал никогда, — Я спрашиваю ещё раз, что это всё значит!? — Он хватает бутылку со стола и швыряет её в стену. Тэхи подскакивает на месте, оборачиваясь на осколки и пролитый алкоголь, а затем возвращает свой взгляд на демона, что стоит посреди комнаты и яростно смотрит на неё.

— Я не знаю, как это объяснить, но в прошлый раз -

— Какой ещё к чёрту прошлый раз? Я тебя спрашиваю, что происходит сейчас! Прямо сейчас! Здесь! Чёртов -

— Я уже целовал демона!

Тэхи выкрикивает это с зажмуренными глазами, прерывая разъярённого демона. Ей было так страшно произносить это. Потому что для неё это звучало как признание в том, что она снова совершила ту же ошибку. Она сломанный глупый ангел, которая не способна жить правильно, как все ангелы, как гласит Бог и его заповеди.

— Ты уже...Целовал демона? — В ступоре переспраши-

вает Донгук, словно не веря, что у Тэхи он был не первый такой.

— Да, целовал... — почти шёпотом подтверждает блондинка и открывает глаза, устремляя взгляд снова на Гука. Тот отводит взгляд в сторону, поднимая брови, напрягает губы.

— То есть это реальная причина, по которой у тебя забрали нимб?

Донгук догадался, что та не врала. Хотя, как он мог думать иначе, блондинка ведь ангел. Теперь он понимал, что послужило причиной изгнания её из рая, но от этого ему не становилось легче. Он думал о том, что тоже может подвергнуться изгнанию, потому что правила нижнего и высшего миров прописаны в одном общем законе. И несмотря на то, что есть ещё отдельные издания со сводами правил конкретно для каждого из миров, они всё равно являются частью общих заповедей Господа и Люцифера. Они создали их специально, чтобы поддерживать справедливость и равновесие между их мирами, и за неповиновением следует изгнание.

Теперь Чон был в числе неповиновавшихся правилам, чётко прописанных в трактате. Ему конец.

— Да. Из-за этого, — с грустью в голосе подтвердила Тэхи и опустила своё лицо вниз, роняя его в ладони, — я сломанная... Бракованная... Неисправная... Что со мной не так?

— Да уж... а ещё ты тупая, дрянь, — Донгук вдохнул воздух и резко выдохнул его, с напряжением глядя на ангела, —

тебя надо в Преддверие ада отправить, там всех ничтожных собирают. Жалкая пернатая, — демон на этих словах шагнул в сторону двери.

— Нет, стой. Не уходи, пожалуйста, — Тэхи поднялась с дивана и приблизилась к демону, хватая того за руку, но Чон тут же выдернул её, ощущая фантомную боль и ток по телу, которые хоть и стали слабее, но ещё не до конца ушли. Символы на их телах перестали гореть, глаза вернули прежний вид.

Демон резко схватил Тэхи за шею, с напором заставляя ту шагать спиной назад, и пригвоздил ту к стене. Глухой удар отдался эхом в ушах обоих. Осколки от разбитой бутылки резали ноги, ангел шипела и пыталась вырваться, но демону было абсолютно всё равно на то, что чувствует светлая. Его ноги тоже были изранены стеклом, но это лишь доставляло ему некое удовольствие.

— Если вдруг из-за тебя я окажусь изгнанным, то ты заплатишься за это своей жизнью. Я ждал твою благодать, но могу довольствоваться и кровью, без благодати в ней, так что тебе стоит либо тихо сидеть и ждать своей смерти, либо провалиться сквозь землю, чтобы я тебя не нашёл, потому что теперь я ненавижу тебя так сильно, как ненавидел ещё никого и никогда! — Срывая голос, Донгук кричал в лицо Тэхи всё, о чём думал сейчас, — Дьявол, я буду впиваться в твои вены и полоскать твоей кровью рот, буду вдыхать запах твоей смерти! — Он отпустил ангела, забрал свои вещи, обулся

и ушёл из дома ангела, громко хлопая входной дверью.

Тэхи снова осталась одна в своём доме. Она всё ещё прижималась к стене, будто руки Донгука до сих пор держали её. Глаза блондинки наполнились слёзами, и маленькими кристаллами воды падали теперь на пол, где были раскиданы перепачканные кровью ангела и демону осколки разбитой бутылки.

Он стоял так ещё минут десять, прежде чем снова начать чувствовать боль. Ангел медленно шагала к дивану, слушая хруст стекла под босыми ногами, и легла на мягкие подушки. Тэ зарылась в свои дрожащие руки, давая слёзам волю, и те ручьями начали стекать по коже девушки.

— Бракованный... Сломанный... Бракованный... Неправильный... Сломанный...

Он повторял это и повторял, множество раз, оттягивая свои волосы, вдавливая короткие ногти в кожу, задыхаясь от всхлипов.

Спустя час он решил, что пора успокаиваться и пошел на кухню. На ослабленных ногах, он прошёл к мини-бару, открыл его и взял бутылку рома. Не заботясь ни о чём в тот момент, он открутил металлическую крышку и отпил немного содержимого бутылки, чувствуя, как жидкость прожигает его изнутри.

ГЛАВА 3

— Харви! До Вон! Где вы все?

Демон пришёл к тем, кто мог бы помочь ему избежать тяжёлых последствий той глупой ошибки, которую он совершил с ангелом около часа назад. Донгук медленно продвигался по тёмным, зловещим коридорам, где пол под его ногами поскрипывал. Ноги дрожали, руки не слушались. Состояние после поцелуя с ангелом становилось всё хуже с каждой минутой. Демону впервые за свою жизнь стало страшно от незнания того, что будет с ним теперь.

— Где вы все, чёрт бы вас побрал!

Мысли Донгука всё ещё крутились вокруг поцелуя — мягкого, тёплого, нежного. Он был приятным, почти неожиданным, но в то же время оставлял после себя тяжёлую пустоту. Этот момент хотелось запомнить, но одновременно и забыть — он пробудил что-то глубоко спрятанное, что было лучше никогда не тревожить. Внутри забилося что-то болезненное, и чем сильнее он пытался забыть это воспоминание, тем глубже оно вгрызалось в мозг.

— Донгук, ты чего тут?

Юни стояла перед Донгуком, пристально вглядываясь в его лицо, пытаясь найти хоть какой-то признак, который бы помог понять, что происходит с её другом — демоном, который обычно был непоколебим и холоден.

— Дьявол, что с тобой происходит? — Голос Юни звучал обеспокоенно, когда она поймала Донгука в момент, когда тот, встретив взгляд лучшего друга, вдруг покачнулся и потерял сознание. — Хватит прикалываться, ты же демон. Эй, Гук! Гук, мать твою! — повторяла она, стараясь вернуть друга в реальность, но Донгук уже не слышал.

Его сознание отделилось и покинуло тело, оставляя Юни в замешательстве. Она присела на пол, держа друга на руках, быстро пробегая взглядом по нему. Вдруг внимание Юни привлекли светящиеся символы на запястье Донгука. Они, словно маленькие огоньки, аккуратно вырисовывались на коже — демонические руны, призванные обозначить «кровь». Символы мерцали, сверкая всё сильнее, а затем будто сгорели на руке Донгука и исчезли без следа.

— Что же ты натворил?

Донгук очнулся в очень тёмной комнате. Вокруг него не было ничего, кроме шелкового белья на кровати, на которой он лежал, и самой кровати. Демон осмотрелся, разлепляя тяжёлые веки. Он перевернулся на бок — ощущение онемения в крыльях сразу дало о себе знать. С трудом привстав, Донгук осторожно вытащил одно крыло из-под себя и, напрягая мышцы, расправил оба в стороны. Приятное чувство разливается по ним, посылая мурашки по всему телу.

Слегка сглатывая вязкую слюну, он глубоко вдохнул — воздух казался свежим и бодрящим, но вдруг на середине вдоха до носа донёсся запах крови — резкий, тягучий, ко-

торый сразу же вызвал странное чувство, будто несколько невидимых волн с новой силой накрывали его одну за другой. Вместе с этими приступами волны возник и рвотный рефлекс — странное и тревожное ощущение. Хотя тошнить нечем, само появление этого рефлекса насторожило Донгука. В его сознании мелькали сомнения и тревога — что-то в этом месте и в его состоянии резко выбивалось из привычного порядка.

— О, ты очнулся, — заскрипела дверь комнаты, медленно открываясь, и внутрь вошёл Су Бон, прислужник Эсме. Его голос прозвучал ласково и чуть насмешливо. — Как спалось, милаш?

Донгук приподнялся, чувствуя лёгкую слабость.

— Ты проспал три дня, — проигнорировал молчание демона Бон, присаживаясь на край кровати. Его пальцы аккуратно провели по перепончатой коже одного из крыльев Донгука. — Ты помнишь, что произошло?

— Помню, я отключился...

— Да, — кивнул тот, — Юни принесла тебя на руках, сказала, что с тобой произошла какая-то дичь. Что она имела в виду? Кроме того, что ты свёл пару тату и проспал три дня, я больше ничего не вижу.

— Я не сводил их, они просто исчезли, — Донгук нахмурился, смотря на прислужника.

— То есть как? — удивлённо спросил Су Бон.

Он, кажется, впервые слышал о таком феномене. При-

знать­ся че­ст­но, сам Дон­гук то­же был по­ра­жён — он ни­ко­гда не вст­ре­чал слу­ча­ев, ко­гда де­мониче­ские та­туиров­ки мо­гли са­мо­сто­ятель­но ис­че­з­нуть с ко­жи. Обыч­но, е­сли та­кие сим­во­лы и уда­ва­лось «све­сти», то э­тому у­ме­нию об­ла­да­ли лишь не­мно­гие де­мо­ны, про­шед­шие спе­ци­аль­ное об­уче­ние сло­ж­но­му ре­мес­лу.

Дон­гук тя­же­ло вздох­нул и под­нял пра­вую ру­ку, мед­лен­но по­вер­нув её, что­бы по­ка­зать Су Бо­ну: ко­жа ста­ла за­мет­но чи­ще, че­ты­ре сим­во­ла дей­стви­тель­но ис­че­зли — и э­то толь­ко на ру­ках.

— Э­сме ж­дет те­бя, ми­лый. Оде­жда на тум­бе, — ос­то­рож­но ука­зал па­рень на тум­боч­ку, ед­ва раз­личимую в тем­но­те. — О­де­нь­ся и при­ходи в её ка­бинет.

Е­ще раз не­жно про­ведя ру­кой по кры­лу Дон­гука, Су Бо­н вы­шел, оста­вляя де­мона в оди­но­честв­е с мы­сля­ми. Че­рез де­сять ми­нут Дон­гук сто­ял у д­ве­ри ка­бинета Э­сме. Он не ре­шал­ся сту­чать — не знал, что по­сле­ду­ет даль­ше, и э­та неопре­де­лён­ность толь­ко уси­ли­ва­ла всё е­щё не­привыч­ную для Чо­на тре­во­гу вну­три. Он г­лу­бо­ко вздох­нул, слов­но со­би­раясь с ду­хом, и на­ко­нец ос­то­рож­но по­стучался в д­ве­рь. Из­ну­три ему от­ве­тил мяг­кий, не­ж­ный го­лос Э­сме, при­гла­шаю­щий вой­ти.

— Мой ми­лый Гук~и, — ска­за­ла она, в­ста­вая с ди­вана и мед­лен­но под­хо­дя к де­мо­ну.

Её вз­гляд был т­ёп­лым, но в то же вре­мя про­ни­ца­тель­ным. Она взя­ла его за ру­ку и в­ни­ма­тель­но рас­смот­ре­ла учас­тки

кожи, которые заметно очистились от татуировок.

— Мне так жаль, — пробормотала она, чуть нахмутив брови, — но что же послужило причиной? — в её глазах мелькнул лукавый блеск, уголок губ дрогнул, выдавая, что она уже кое-что знает.

— Мне до жути интересно, что же случилось? Тебя ранил архангел? — Её взгляд скользнул по телу гостя. — Или это был секс с кем-то из них? Или ты разозлил кого-то из старейшин? Хана? Или... —

Донгук не выдержал этого «допроса» и прервал её:

— Поцелуй... — его голос был тихим, но решительным. — Это был поцелуй с ангелом, — повторил демон, решив, что она не пугает его настолько, чтобы становиться мелкой трусливой сошкой.

— Всего лишь? — в ответ прозвучало лёгкое хмыканье, а девушка слегка закатила глаза.

— Всего лишь? — удивлённо переспросил Донгук, немного повышая голос.

Он готовился к худшему — к тому, что Эсме в порыве ярости просто пригвоздит его к стене, начнет мучить, кричать и заставит истекать кровью. Либо хотя бы созовет таинственный совет старейшин, чтобы обсудить его судьбу и решить, как лучше расправиться с ним. Его сердце сжалось от страха и ожидания неминуемой расправы. Но вместо этого она лишь улыбнулась и сказала:

— Да, всего лишь поцелуй. Наверняка, это был спор или

поиск новых ощущений, или же ты просто решил её подразнить. Ангелы такие смешные... когда боятся, когда краснеют и стесняются — просто сплошная сладость. Ничего тебе от этого обычного поцелуя не будет.

Он был несколько удивлён таким лёгким отношением, но не осмеливался радоваться. Она прочитала замешательство на его лице и поняла, что...

— Так ты действительно хотел её поцеловать? — Спросила Эсме, озабоченно нахмурившись. — Это всё значительно усложняет. Я не хочу, чтобы такой, как ты, погиб. — Она сделала невинное лицо, по-детски выпятив нижнюю губу, словно обиженный ребёнок.

— Погиб? Чего? — удивился Донгук и замешкался.

— Да, — ответила она серьёзно, — а ты не был в курсе? Это ведь этот их небесный папа так решил, что тёмные и светлые не могут любить друг друга. Добрый божевка таких убивает, — девушка истерически рассмеялась, неожиданно, а затем так же резко прекратила, стирая улыбку со своего лица, — но есть кое-что, что может вас спасти.

— Что это? — слишком оживленно поинтересовался Донгук, шагнув к девушке.

Девушка легко и почти непринужденно рассмеялась, играя с его эмоциями, и мягко положила руку на его напряженное плечо. В этот момент она приподняла одно из своих величественных крыльев и провела им по щеке демона. По телу Донгука пробежала неожиданная волна энергии —

настолько сильная и насыщенная, что, казалось, каждая клеточка напиталась этой мощью. В голове младшего демона мелькнул вопрос — когда же он стал настолько чувствительным ко всем этим незначительным прикосновениям?

— Да ты буквально пышешь чувствами, малыш, — улыбнулась Эсме, наклоняя голову в игривом жесте. — Надо это исправлять. Я не хочу терять такого способного ученика только из-за того, что какой-то ангел смогла запудрить тебе мозги. Дай мне час, встретимся у выхода из бюро. А пока — сходи к тому пернатому, он мне тоже понадобится.

Донгук сглотнул, ощущая возрождающееся волнение. В её голосе были какие-то странные нотки, но что они означали было непонятно.

— Понял, — произнёс Донгук, глубоко кланяясь Эсме, после чего поспешно вышел из кабинета, чувствуя прилипшее внутреннее напряжение. Он вышел из бюро, небрежно поворачивая к дому Тэхи. Его пальцы нервно заиграли — сигарета скользнула между губ, и он зажёл её кончик. Вечерний воздух был прохладным, но мысли горели в голове, буквально пульсируя волнами. Донгук глубоко задумался, шаг за шагом приближаясь к дому ангела и не замечая, как его путь уже почти подошёл к концу. Лишь тогда, когда он докурил третью сигарету подряд, внезапно осознал, где находится — прямо у порога дома Тэхи. Внутри всё кипело от ярости — против небес, против всех обстоятельств.

— Открывай, пернатая дрянь! — Громко и решитель-

но выкрикнул он, ударяя кулаком в дверь. Его голос отозвался эхом, смешиваясь с настойчивым стуком. Раздалось несколько ударов. Два длинных, мучительных, наполненных нетерпением минуты плавно тянулись, пока стоять на одном месте стало невыносимо. Затем, когда демон окончательно потерял всё оставшееся у него терпение, его тёмный инстинкт велел быть решительным. Он попытался открыть дверь за ручку — та оставалась непоколебимой и холодной. Тогда он отступил на шаг назад, поднял ногу и одним мощным ударом ботинка врезался в дверь. С громким треском дверное полотно распахнулось, позволяя черноглазому ворваться внутрь, готовому к тому, чтобы вытащить бесячего пернатого за шкуру на улицу.

Обойдя первый этаж дома, Донгук не нашёл ангела, поэтому ему пришлось подняться наверх, что заставило его разозлиться ещё больше. В спальне он всё же отыскал блондинку. Та развалилась на кровати в одних штанах, руки были раскинуты в стороны, белоснежные крылья тоже, голубые глаза закрыты, ресницы мелко трепетали. Её тело стало чище от символов, и пара из оставшихся уже начинала мерцать, что означало, что они скоро совсем должны были исчезнуть.

— Твою мать. Эй! — голос Донгука прозвучал резко, когда он ногой пнул ногу Тэхи, свисающую с края кровати. Ангел недовольно поморщилась, её веки тяжело приоткрылось, вырывая ту из крепкой дрёмы. Медленно она глубоко вздохнула, опираясь на один локоть, а потом этот вздох плавно

перешёл в протяжное зевание — рот широко раскрылся, показывая степень её усталости. На это Донгук невольно закрыл глаза.

— Вставай. Нас ждут, алкашня небесная, — проговорил демон, наткнувшись взглядом на футболку, валявшуюся на полу. Он схватил одежду и со всей силы швырнул её Тэхи в лицо. Блондинка мгновенно стянула с себя ткань, снова находя взглядом Донгука перед собой.

— Кто нас ждёт? — Не дождавшись ответа на заданный вопрос, она принялась расправлять футболку, вертя её из стороны в сторону, пока не нашёл правильный край, аккуратно натягивая вещь на себя. При этом она осторожно убрала крылья, чтобы не мешали. К этому нюансу ношения одежды достаточно быстро привыкают все крылатые, так что ангел даже не задумывалась, когда делала этот привычный для себя жест.

— Эсме, — сухо ответил демон, стоя выше ангела, скрестив руки на груди. Он смотрел с явным раздражением на медленные, словно намеренно затянутаые движения Тэхи.

— Кто она? — спросила ангел, поворачиваясь к оппоненту лицом, чтобы видеть его реакцию.

— Глава клана, — произнёс Донгук с лёгкой ноткой вопроса, словно это было настолько очевидно, что не стоило даже уточнять. Он явно пытался сдержать раздражение, избегая того, чтобы с усилием не схватить ангела за шиворот, чтобы просто уволочь его в логово и избежать бесконечных

вопросов, которые, по его мнению, никому не нужны.

— Что она хочет от меня?

— Чёрт, какой ты тупой, — выдохнул демон с явным нетерпением. — Не от тебя, она хочет тебя целиком, и меня. Что тебе не понятно было во фразе «нас ждут», чучело? Она согласилась помочь решить нашу проблему, поэтому просто подними свой зад и пошли уже.

— Проблему? — Ангел приподняла бровь, глядя на Донгука с недоверием.

— Проблему с тем, что я начинаю чувствовать, а ты... — Чон развёл руками, будто устал объяснять. — Вообще плевать, что там у тебя. То, что наши языки тогда сплелись, была самая глупая ошибка, которую нужно исправить. Или ты думаешь иначе? — он резко сложил руки на груди. — И не думай, что я собираюсь пустить всё на самотёк. Мне нравятся мои тату, слышишь? А то состояние, которое ты мне подарил, мне не нравится абсолютно, — долгим взглядом Чон послал блондинку далеко и надолго. Тем не менее, он всё же обязан привести её к Эсме, поэтому терпеливо ждал, пока ангел не прекратила мучительно медленные сборы. Каждый такой момент заставлял демона раздражённо топтать ногой и через силу закатывать глаза.

После всех долгих и утомительных манипуляций демон наконец-то вышел на улицу, ощущая за собой поспешные шаги ангела. Та быстро нагнала Донгука и сравнялась с ним, шагая к логову демонов.

— От тебя за километр несёт алкашкой, сколько ты выпил? — С насмешкой спросил демон.

— Бутылку, — безразлично ответила ему ангел, не поднимая глаз с мелькающего впереди асфальта и пожимая плечами.

— Но ты же нимбанутый. Ну, или как тебя теперь называть, если ты лишился этого вашего браслета. Стой, погоди, ты говорила, что не считаешь все заповеди правильными и относящимися ко всем ангелам. Ты себя имела ввиду что ли? — Гук покосился на Тэхи, которая шла, опустив голову и перебирая пальцы.

— Да, — просто выдыхает та, закусывая щёку изнутри.

По дороге демон выкурил ещё две сигареты, нервно дергаясь время от времени. Перед дверями похоронного бюро он потушил окурок и остановился неподалёку. Через пару секунд из дверей сначала вышел Су Бон, а затем и сама госпожа Эсме. Прислужник придержал дверь, когда девушка выходила, а затем быстро подошёл к чёрной машине, припаркованной у бордюра. Он открыл дверь и пригласил Эсмеральду сесть внутрь. Та глянула на демона и ангела рядом с ним, прежде чем занять своё место. Бон не закрыл дверь машины сразу же после этого, он жестом пригласил парней присоединиться к Эсме на заднем сиденье. Когда же все, наконец, устроились внутри просторного авто, прислужник захлопнул дверцу и обогнул машину, садясь на соседнее от водителя кресло. В молчании они ехали куда-то около часа, пока их

автомобиль не миновал границу города.

— Госпожа, мы прибудем через пятнадцать минут, — до-
неслось из динамика у переднего стекла машины.

Тэхи, подняв взгляд от своих дрожащих рук, устремила его на демонов, Донгука и Эсме. За окном мелькали мрачные тени деревьев, но девушка почти не обращала внимания на внешний мир, полностью погружённая в свои раздумья. Младший же демон, вальяжно развалившись на заднем сидении, неспешно потягивал виски из встроенного мини-бара, изредка кидая полный раздражения и презрения взгляд на ангела. Голубоглазая напротив, никак не могла скрыть тревогу: по её телу разливалось волнение, смешанное с растерянностью.

Она ясно понимала, куда их везёт Эсме, хотя воспоминания прошлого визита в тот храм были смутными и расплывчатыми. Ангелы просили демонов использовать этот метод, когда дело касалось правосудия над грешниками, поэтому иногда было сложно сказать наверняка, чем же отличаются светлые и тёмные на самом деле. Эта неопределённость и страх перед неизбежным вызывали в ней ещё большее волнение, но убежать она не намеревалась. Она понимала — попытка избежать неизбежного лишь усугубила бы сложившуюся ситуацию в разы. Ей предстояло пройти процедуру, название которой вызывало холод в крови у каждого, кто с ней сталкивался хотя бы раз — «чистка».

Несмотря на все религиозные догмы, Бог никогда не про-

щал грехи. В этой системе он не был милосердным судьёй, его скорее можно было назвать жестоким властителем, который лишь раздавал приказы и отвергал попытки исправления человеческих ошибок. Тэхи была изгнана с небес, но по-прежнему оставалась ангелом, хоть и утратившей доступ к свету и значительную часть силы. Однако оставшиеся за её спиной крылья и остаток благодати в её крови всё ещё позволяли ей не скатиться в полное отчаяние. Перья с её крыльев начали осыпаться уже давно, но их было достаточно много, и их потеря до сих пор казалась незаметной для остальных, но надежда ещё жила в ней, и то, что она уже во второй раз подвергнется этой «чистке», давало повод подумать о лучшем исходе событий.

Шаг за шагом, они втроём вошли в тёмный коридор, где каменные стены источали неприятный запах крови — он будто впитался в саму структуру сооружения. Донгук шёл впереди, безэмоционально оглядывая покосившиеся решётки, расположенные через каждые несколько метров.

— Госпожа.

Со зловещей усмешкой и уважительным поклоном встретил их страж в конце коридора. Его приветствие звучало, как предзнаменование того, что испытание только начинается. Он легко коснулся губами её руки, когда та протянула её вперёд, а затем отпер перед ними тяжёлую металлическую дверь. Та со зловещим скрипом открыла путь ангелу и демонам, и все друг за другом прошли внутрь просторного поме-

щения: в высоту около трёх этажей, потолок представлял из себя стеклянный купол, который пропускал через себя ленты света, по стенам разрослись арки и колонны.

Казалось, что каждая из этих тёмных, узких дверей уходила в бесконечные коридоры, протянувшиеся под землёй на многие километры. Складывалось ощущение, что эти коридоры таили в себе бесчисленные тайны и загадки, несли атмосферу древности и забвения. Однако на самом деле все эти двери вели лишь к одному длинному, огибающему просторное помещение коридору — единому, холодному, влажному, как и вся остальная часть храма. Помещение вокруг было совершенно безжизненным, лишённым каких-либо красок или уюта. Его стены, камни под ногами — всё погружалось в тусклую и серую монотонность, словно сама душа этого места давно мертва. Единственным источником света служил мягкий, льющийся с потолка луч, который не давал погрузить всё пространство в непроглядную тьму, но при этом только подчёркивал всю холодность и отчуждённость. В самом центре комнаты возвышался массивный алтарь, покрытый толстым слоем мха, пожелтой травы и пылью веков. Он олицетворял собой память прошедших тысячелетий, тяжесть ответственности за сдерживание грешных, тёмных сил, которые во время древних ритуалов впитывались в его камень. Алтарь казался живым, хранящим в себе страшную силу, но одновременно и выстраивающим границы, удерживающим зло от проникновения в мир.

— Милый, подай кинжал, — тихо произнесла Эсме, и вскоре в её нежную руку, выставленную в требовательном жесте в сторону, лёг холодный металлический кинжал, украшенный загадочными символами, древними и могущественными. — Вам стоит пройти к алтарю, — её тяжёлый, тягучий взгляд обратился к двум фигурам, стоявшим неподалёку — ангелу и демону. Те без малейшего протеста направились к алтарю, встали по обе стороны от каменного изваяния. Вдруг в зал вошёл незнакомый демон. Крылья его были изранены, местами повреждены и выглядели изношенными, хрупкими, почти готовыми рассыпаться, но всё же висели, держась за своего обладателя. В руках он нёс массивную, древнюю книгу; молча протянул её Эсме, после чего с низким поклоном и опущенным взглядом покинул помещение. Уголки губ молодой демоницы слегка приподнялись, появилось что-то вроде улыбки — неяркой, но полной внутреннего смысла. Девушка аккуратно положила книгу на алтарь, словно тем самым принимая на себя груз таящегося в ней знания и силы.

— Моя девочка, — тихо прошептала она, будто обращаясь ни к кому-то находящемуся рядом, но взглядом она обозначила цель обращения — Тэхи, — я не буду проводить «чистку», — её голос прозвучал обыденно, почти равнодушно, но сразу же привлёк внимание ангела в ответ. Она моргнула несколько раз, пытаясь осознать сказанное, открыла рот, чтобы возразить, но вместо слов выдавила лишь тихое

«Н-но...», прежде чем снова замолчать.

— «Но что же я тогда буду делать?» — глаза Эсме сверкнули чёрным огнём, быстро перемещаясь с Тэхи на Донгука и обратно. — Всё просто. Я сделаю тебя частью нашей семьи.

Эти слова выбили воздух из лёгких ангела. Она отшатнулась, словно ошпаренная, сглотнула вязкую слюну, её взгляд наполнился испугом и непониманием. Донгук тоже взглянул на хозяйку с непониманием, потом пристально посмотрел на Тэхи — на блондинку перед собой.

— Я сделаю тебе падшим, — холодно завершила мысль Эсме с ледяным взглядом. — Да, милый, — продолжила она с лёгкой волной жестокости, — я вижу, что ты стоишь на краю обрыва, готовый рухнуть вниз, — её голос звучал одновременно мягко и угрожающе. — И я просто хочу помочь тебе, подтолкнуть тебя, чтобы маленький птенчик наконец научился летать. К тому же, — она перевела взгляд на младшего демона, — Гук~и ведь не первый из нижнего мира, кто был с тобой. — Утонять смысл сказанного не требовалось, она явно указывала на романтические взаимодействия ангела с другими демонами до Донгука. — Что же случилось с первым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.